

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК **XX** И МИР

EL SIGLO XX Y LA PAZ

DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN

В НОМЕРЕ:

ГРУЗИЯ ИЩЕТ МИРА

Демократы Грузии о суверенитете

ПО ТУ СТОРОНУ ИМПЕРИИ

Русский национальный вопрос
в предвыборных спорах

ПЕРЕСТРОЙКА СЛЕВА?

Проект программы оппозиции

ISSN 0320 8001

2/90

В НОМЕРЕ:

<u>Почта</u>	
«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»	2
<u>Актуальная тема</u>	
РЕЧИ К РУССКИМ	12
<u>Страна в движении</u>	
Г. ГУСЕЙНОВ, Д. ДРАГУНСКИЙ. ПРАВО НА ЧУЖОЕ БЕЗ ПРАВА НА СВОЕ М. ЖЕРЕБЯТЬЕВ. ПО ТУ СТОРОНУ ИМПЕ- РИИ М. МЕЙЕР. РОССИЯ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ	16
<u>Эссе</u>	
Г. ПОМЕРАНЦ. БУДУЩЕЕ МИРОУСТРОЙ- СТВО И РУССКАЯ ИДЕЯ	26
<u>Что было, то было</u>	
Е. СЕЛЮГИНА. КАК Я РАЗГОНЯЛА УЧРЕ- ДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ Д. ГУБИН. НЕ РУГАЙТЕ ЛЕНИНА	33
<u>Документ</u>	
О ПЕРЕСТРОЙКЕ СЕГОДНЯ И В ОБОЗ- РИМОМ БУДУЩЕМ. Заявление Межрегиональ- ной группы	42

«Уважаемая редакция...»

Школа не казарма

Мы, учащиеся старших классов средней школы, требуем отменить военное обучение в школе.

Сейчас, когда советские войска наконец выведены из Афганистана, наша армия сокращается, началось разоружение, военные предприятия начинают выпускать мирную продукцию, милитаризация школы выглядит просто дико. В этом году Госкомитет по народному образованию только пять учебных предметов в школе объявил обязательными и среди них — начальную военную подготовку! Когда учились наши родители, никакого военного обучения, никаких военных игр типа «Зарницы» и «Орленка» в школе не было.

Мы отказываемся приходить на занятия в зеленых рубашках, изучать в школе автомат Калашникова и

маршировать строевым шагом! Школа не казарма. Школа должна учить миру, а не войне. Мы обращаемся в Госкомитет по народному образованию с требованием уже в этом учебном году отменить военное обучение в школе. Вместо военной подготовки нам кажется целесообразным ввести курс первой помощи и поведения при авариях и стихийных бедствиях.

Мы обращаемся в Советский комитет защиты мира с убедительной просьбой поддержать это наше требование.

**Юрий СТРОГАНОВ,
Дмитрий НЕВЕРОВСКИЙ
и другие ученики 11-б класса
школы № 5,
г. Обнинск.**

Когда поют солдаты

Я сидел у телевизора, когда на экране замелькали кадры кинохроники 68-го — советские танки на улицах Праги. Секунды три они беззвучно стреляли в кого-то, кто не попал в объектив кинокамеры, — их сменил совершенно другой сюжет. Однако после этого мне не давала покоя мысль, что я что-то забыл. Ах да, конечно, это там — на антресолях, где пылятся тетради с записями восьмилетней давности, сделанными в счастливую пору моего студенчества, в стройотряде летом 81-го...

Я хочу предложить текст настоящей народной песни, из тех, которые фольклористы относят к жанру песни солдатской. Языковый строй, далекий от правил литературной нормы, и нехитрый мотив нынешней солдатской песни близки к песням минувших эпох. Да и с чего бы им меняться? Сегодня на войне убивают так же, как и сто, и двести лет назад. Фольклорные тексты принято считать любопытными свидетельствами эпохи, их создавшей. Именно с этой точки зрения мне показался интересен

образец устного народного творчества времен 1968 года.

В тумане звезд уходит самолет
Обратно на приписную базу,
А нас сюда солдатский долг зовет,
Десант на запад брошен по приказу.

А где-то между парашютных стrop
Горит внизу огнями Братислава,
И медленно садятся на песок
Ребята из Москвы и Ленинграда.

Когда рассвет убрал с порога ночь,
По улицам ходили наши парни,
И только крики: «Убирайтесь прочь!»
Неслись из окон буржуазной псарни.

Все хорошо и можно не смотреть,
Что пишут эти твари на заборах,
Ах, если б можно было бы стереть
С лица земли колонной танков этот город.

А с чердака в затылок автомат,
И кровь струей по синему берету,
По мостовой прошел свинцовый град,
И одного парнишки больше нету.

Так что же нам, ребята, еще ждать?!
Нож, автомат, гранату и — в атаку!
Но дан приказ: «Пока что не стрелять»,
Мы не фашисты, и пока не надо.

Мы будем бить — и ВВС, и танки,
Мы будем прыгать к черту на рога,
Одни умрут под куполом, других повесят янки,
Мы не пехота, парни, мы десант.

Вот и вся песня. Ее можно рассматривать не только как произведение фольклора, но и как свидетельство очевидца. Человек, который совер-

шенно искренне срифмовал эти нехитрые строчки, побывав ТАМ, или по крайней мере наслушавшись рассказов тех, кто ТАМ побывал. Именно так, по-видимому, им все и объясняли командиры и политруки перед боями на улицах Праги или сразу после них. Вся штука, и это, по-моему, самое страшное, в искренности этих куплетов. По себе и по своим друзьям тогдашним сужу: в 1981 году вечером у костерка под гитару мы пели это совершенно искренне!

Мы не верили и тогда ни в лозунги, ни во что. Хихикали, смакуя в анекдотах густые брови нашего дорогого лидера. Но одна вера все-таки в нас жила: бережно взлелеянная вера в то, что мы должны облагодетельствовать все человечество. А если оно (человечество) понимать этого не желает, мы облагодетельствуем его силой; если нужно — то и с оружием в руках. Кстати, именно так трактовались и события 1968 года. (Дословно цитирую по своему школьному учебнику: «Этот интернациональный акт спас жизни тысяч людей, укрепил западные границы Социалистического Содружества и разрушил надежды империалистов на пересмотр итогов Второй мировой войны».)

Да, мы пели тогда эту песню. Пели ее потому, что те, другие, песни, которые уже слагались в Афгане за Гиндукушем, до нас еще не долетали. А то бы мы подхватили и их. И вполне вероятно, что слова «в тумане звезд уходит самолет...» звучали в тот момент и под Кабулом. Это уже потом из одной «пражской» песни родились сотни «афганских». Ложь, окружавшая «пражскую репетицию», спустя одиннадцать лет обернулась Афганистаном.

Так было всегда и будет присно во веки веков — за ложь и, тем более, за ложную веру платить приходится по самой высокой цене...

Юрий ГОЛОТЮК,
г. Москва.

Почему бы их не казнить?

Вот мой ответ на письмо А. Девяткина из г. Сумы «Пишу ночью» (8/89).

Пишу днем — с ясной головой, после крепкого сна. Поэтому меня удивил контраст между первой частью письма А. Девяткина, где он желает как можно больше сделать для «людей в настоящем и детей в будущем», и второй частью, в которой протестует против смертной казни. Во-первых, никакой казни нет. Есть высшая мера наказания — лишение жизни. Считаю: чтобы люди в настоящем и дети в будущем не страдали от неисправимых мерзавцев, высшая мера наказания должна применяться. Не надо ссылаться на авторитет философа. В то время не было такого разгула преступности, ему не били

физиономию хулиганы, его дочь не изнасиловали. А с нами и с нашими детьми все может случиться. И побьют, и убьют, да вначале еще вдоволь наглумятся. И кто бьет-то? Чаще всего подонки и дети подонков. Так почему же их не лишать жизни? У них и жизни-то нет, а есть только цепь преступлений.

Игра в гуманность дозволительна высокопоставленным лицам. Она им никак не угрожает, а политический вес может повысить. Народу же эта «гуманность» боком обходится. Когда «гуманный» закон одним концом мягко гладит преступников, другим концом он жестоко бьет всех остальных.

**И. ПОДЫНОГИН,
г. Новокузнецк.**

Победите любовь

Революция, политая кровью, дала кровавые всходы. Жестокость порождает жестокость. Гнев и страх порождают страх и ненависть. Зло заразительно, оно отравляет все вокруг нас, даже Землю. Часто мы своими мыслями и желаниями толкаем других, внушаемых и слабых, неспособных сопротивляться злу, на осуществление того, что мы совершаем мысленно. Кто из нас может сказать, что мысли его всегда чисты?

Не позволяйте злу распространяться, не умножайте его. Ведь зло — энергия, вибрации которой сердце терпеливо может погасить вибрациями любви к Богу и к людям, изменив их на вибрации сострадания, которые вернут в ответ. Так можно победить зло. Так может каждый, знающий, что именно Любовь является основой души, а сердце — инструментом, который направляет на Любовь Космическую.

Не пропустите же час суждений! Разорвите это проклятие жестокости, склавшее нас. Народ, который нена-

видит и боится, — не встанет с колен, не поднимет головы, не увидит сияния Духа и не узнает, что он бессмертен...

Всегда возможны судебные ошибки, они были и будут. И даже одну невинную жертву не искупят все остальные «справедливые» приговоры. Если только жестокость, даже по отношению к преступнику, может быть справедливой.

Страшное, несмыслимое клеймо позора несут родственники казненных. Иногда не одно поколение. В чем их вина?

Подумайте о тех, кто исполняет приговор. Могут ли они оставаться психически нормальными или тоже станут социально опасны со временем? Дайте же возможность преступившим законы человеческие и Божьи душам раскаяться в **этом** теле и в **этой** жизни. Раскаившаяся душа дороже наказанной. Вспомните, сколько прощали вас!..

**Ольга БЕНЕДИКТОВА,
г. Краснодар.**

Перечеркнутая Россия

Оценим общие жертвы страны за 1918—1949 годы. Для этого необходимы погодная численность населения, коэффициенты рождаемости и естественной смертности. Первые два параметра, в основном, известны, хотя иногда и противоречивы. За коэффициент естественной смертности примем простейшее предположение, что он менялся по прямой, соединяющей точки 1896, 1913 и 1956 годов.

Жертвы 1918-1923 годов можно определить, используя динамику народонаселения по Е. Волкову с учетом 3 миллионов, вернувшихся из плена. Они составляют 23 млн. человек. Используя ряд С. Виткрофта, получим 24 миллиона (хотя сам он называет почему-то около 15 миллионов). По Ю. Полякову (вычитая из его числа I мировую войну и эмигрантов и прибавляя 1923 год) получим свыше 22 миллионов человек. В эти годы убыла численность населения: по Волкову — на 9 млн., по Виткрофту — на 12 млн., по Полякову — на 14 млн.

Жертвы 1924 — июнь 1941 годов. Погодовая численность населения за 1927—1939 годы приведена у Виткрофта (данные Лоримера, Прокоповича, Марченко и Бирабена) и частично у В. Цаплина. Остальные годы, включая коэффициенты рождаемости, в основном, взяты из статсборников «Народное хозяйство СССР». В период 1924—1930 годов потери составили 2,5 млн. человек и в 1931—1936 годах — 8,8 млн. человек, из них 2 млн. покинули СССР (массовый исход населения из Средней Азии). По Р. Медведеву за 1927—1936 годы погибло более 10 млн. человек; только в 1933 году, по-видимому, погибло 6 млн. человек. В 1937-1941 годах погибло 2,7 млн. человек. По Виткрофту — 3 млн. погибло только в 1937—1938 годах. По Цаплину за 1927—1938 гг. погибло 7,9 млн. чел., хотя он отмечает неполноту архивных данных.

Таким образом, за 1924—июнь 1941 гг., по-видимому, погибло около 14 млн. чел., а за 1918—июнь 1941 гг. — 37 млн. человек. Для сравнения, Германия в 1919—1939 гг. заметных жертв не имела: мужчин до 39 лет в 1939 г. было на 2,5% больше, чем в 1919 г., а старше 39 лет — на 2,04 млн. меньше (это результат I мировой войны).

Жертвы 1941—1949 гг. Зная численность населения в 1941 и 1950 гг., годовые коэффициенты рождаемости (В. Никитенко) и используя принятую нами шкалу естественной смертности, получим 34 млн. жертв. К ним добавляется 1 млн. населения присоединенных после войны территорий и 2—3 млн., как поправку к явно заниженным данным Никитенко. Получается более 37 млн. чел. Потери 40-х годов можно посчитать и другим способом — по сохраняемости когорты 0—59 лет за 20 лет относительно стран, где жертвы были небольшими (Англия, Испания, Франция — по мужчинам и Англия, Испания, Франция, Япония и Германия — по женщинам). С учетом повышения смертности рожденных в 40-е годы и лиц старше 59 лет получим 35—40 млн. чел. А. Кваша определяет прямые потери за 1941—1945 гг. в 26—27 млн. чел.

Из сохраняемости мужских возрастных групп за 20 лет (определяемых по до- и послевоенным переписям относительно Англии, Франции и Испании), а также по соотношению мужчин и женщин за эти же годы, можно определить, сколько возрастов охватила война. Оба способа дают несколько различающиеся результаты, средние из них таковы: уровень потерь выше 8% охватил в СССР 60 возрастов, в Германии — 30, в Японии — 20; при уровне более 20% в СССР — 40, Германии — 10, Японии — ноль; при уровне более 30% в СССР — 30, в Германии — ноль. Максимальные потери в СССР

составляют 36% (20 возрастов), в Германии 25% (10 возрастов), в Японии 12% (10 возрастов). Максимальные потери советских женщин составляют 11—12% и охватывают 20 возрастов (около 6 млн.). Немок погибло несколько сот тысяч. Такие же потери у союзников (мужчин и женщин). Польша потеряла 6 млн. чел.

Таким образом, абсолютные прямые жертвы составляют у нас около 37 млн. чел., у немцев 4—5 млн. (в I мировую войну мы потеряли 1,5 млн., немцы — 2,04 млн.); наши относительные потери составляют 200 чел. на тысячу населения, у немцев — 65 (в I войну у нас — 11, у немцев — 31).

По-видимому, мы занизили наши жертвы на 2—3 млн. чел., если учесть, что из наших ребят, родившихся в 1922—1925 гг., вернулись с фронта 3% (Политобразование, 1988, № 16). Данные могут быть уточнены лишь публикацией погодовых половозрастных демографических списков переписей 1939 и 1959 гг. и сводных списков ЗАГС-ов и призывных пунктов.

Как видно, Гитлер воевал хуже Вильгельма в 2 раза, а Сталин — хуже Николая в 24 раза. Отсюда счет Сталину за 40-е годы — 33 млн. чел.

В целом за 1918—1949 гг. погибло **около 74 млн. чел.** Общее число умерших за 32 года составило 160 млн. при средней численности населения 162 млн. Сменяемость населения оказалась в 2,5—2,7 раз выше, чем в Западной Европе. В таких условиях не могло быть и речи не только о развитии, но и о сохранении традиций и культуры.

Принятые нами коэффициенты естественной смертности явно завышены, поскольку они отражают катастрофическое положение страны тех лет. Если бы страна после Первой мировой войны пошла по пути цивилизованного развития, то мы достигли немецких коэффициентов не в 1950 г., как это фактически случилось, а в 1924—1926 гг. На это указывали происходившие в России процессы: быстрый рост грамотности, числа врачебных учреждений и обществ

борьбы с детской смертностью, расширение гигиенических навыков, более высокий темп снижения смертности, чем в Европе, введение сухого закона. Детская смертность зависела от вероисповедания: у лютеран, иудеев и татар она была на уровне Западной Европы. Православные пренебрегали гигиеной питания, и детская смертность в целом по России была на 73% выше, чем среднеевропейская. (Сейчас она выше на 170%).

По остальным возрастам Россия имела хорошие показатели. Наши мужчины (30—60 лет) жили дольше, чем англичане, немцы, австрийцы, швейцарцы, а 60-летние старики занимали 5-ое место в Европе и 7—9 место в мире. (Сейчас они занимают в Европе последнее — 31 место). Удивительная Россия в конце 19 века обгоняла всех по доле глубоких стариков: в Европейской России на 100 тыс. жителей приходилось 787 мужчин старше 95 лет и 871 женщина (норвежек было чуть больше).

Упущенная цивилизация («еще приемлемая Россия» — Набоков, лето 1917 г.) сохранила бы нам около 90 млн. жизней, а к 1940 г. нас было бы около 300 млн. чел., что согласуется с прогнозами и Менделеева. Мы превращались в процветающий промышленный гигант.

Главной причиной жертв, по нашему мнению, явился экономический геноцид, когда из живого экономического организма вначале была удалена наиболее жизнедеятельная его часть — частная собственность, а затем, кроме государственной, были уничтожены и остальные — личная, кооперативная, акционерная. Это привело к геноциду против всех групп населения. Исполнителем явился аппарат новой власти, который опирался на слепое командно-административное подчинение и террор против несогласных или подозреваемых в несогласии.

Сегодня продолжает сохраняться первопричина — экономический геноцид. Он будет действовать до тех пор, пока не восстановим равноправие всех форм собственности и не

заинтересуем все группы населения. Никто не должен иметь право сковывать инициативу, какие бы экономические формы она не приобретала. Геноцид против населения сейчас принял другие формы: началась нравственная, экологическая и биологическая деградация, вошли в кризисное состояние экономика и общество. Вот некоторые их грозные предвестники: межнациональные столкновения, волна забастовок шахтеров, ухудшение демографического

положения страны. В 70-е годы по продолжительности жизни наши мужчины занимали 51 место в мире, а женщины — 38 место; в 1985 г., соответственно, — 75-е и 57-е места.

Главным экономическим условием сохранения мира внутри страны, самого выживания населения и последующего возрождения является введение частной собственности.

Олег ЛЕБЕДЕВ,
г. Долгопрудный.

Мир переделывать нельзя

Тот факт, что социализм у нас не получился, сегодня, пожалуй, уже никто не оспаривает. Причем, не получился он не в каких-либо частных, второстепенных проявлениях, а в главном — уровне производительности труда общественного производства. На сегодняшний день социализм не только не превзошел капиталистический способ производства по уровню производительности труда, но даже не приблизился к этому уровню.

Раньше это объяснялось наследием прошлого, капиталистическим окружением, вредительством, войной, культом личности и т. п. Однако после войны прошло вот уже более 40 лет, в 1953 году на смену сталинской диктатуре пришло коллективное руководство, а социализм по-прежнему не получается. И не получается он не только у нас, но и в других странах «победившего социализма» — будь то в Европе, Азии, Америке или Африке. По-видимому, существует какая-то более серьезная, фундаментальная причина неудач социалистического преобразования общества, подобно тому, как закон сохранения энергии налагает запрет на возможность создания вечного двигателя. Что же это за причина?

Для этого попытаемся ответить на

вопрос: кто автор модели, по которой построен феодализм? А кто «основоположник капитализма»? Думается, ответ будет однозначным: никаких конкретных авторов (идеологов, творцов, изобретателей) нет, эти формации возникали стихийно, естественно, сами собой. Что же касается социалистической формации, то здесь всякий назовет имена Маркса, Энгельса и Ленина, — именно они создали теорию научного коммунизма, теорию построения нового общества, ради претворения которой в жизнь большевики и совершили Октябрьскую революцию.

Вдумаемся в этот факт: впервые в истории форма общественно-экономических отношений сложилась не путем самопроизвольного развития общества, не возникла сама собой, а была **выдумана**, вычислена, и реальной жизни было предписано следовать «гениальным предначертаниям». По определению А. Ципко, социализм является «уникальным в истории обществом, которое строится сознательно, на основе теоретического плана». Что получилось из попыток втиснуть живую жизнь в схемы, предложенные классиками марксизма-ленинизма и их последователями, хорошо знает всякий, кто сталкивается с нашей действительностью. Попытаемся по-

нать, почему так получилось, каким образом самые благие и возвышенные намерения обернулись экономической отсталостью, нравственным одичанием, коррупцией, экологическим кризисом?

Как известно, состояние (поведение) какой-либо системы определяется свойствами, составляющих ее элементов и характером связей между ними. Для некоторых простых технических (искусственных) систем, состоящих из ограниченного набора элементов, связанных несложными взаимоотношениями, мы можем рассчитать все возможные варианты их состояния (поведения), используя современный математический аппарат, — в качестве примера можно указать на такую хорошо известную систему, как автомобильный двигатель. Гораздо сложнее обстоит дело с природными системами, где свойства элементов и характер связей часто не поддаются формализации и точному объективному учету. Предсказать поведение таких систем можно лишь с известной долей неопределенности, причем эта неопределенность будет тем большей, чем сложнее и динамичнее система. Это хорошо знают метеорологи, занятые разработкой прогнозов погоды. В крупных природных и социальных системах количество элементов и связей между ними столь фантастически велико, что мы не можем (и, по-видимому, никогда не сможем) учесть все это многообразие и вычислить состояние системы.

Еще более сложно обстоят дела с прогнозированием поведения каких-либо крупных естественных систем, выведенных из состояния равновесия и претерпевших коренную перестройку (применительно к социальным системам — революцию). В особенности это касается социальных систем, поскольку в одних и тех же условиях два разных человека часто принимают совершенно различные решения. Непредсказуемость путей общественного развития, их вероятностный, случайный характер прекрасно проиллюстрировал

Р. Брэдли в рассказе «И грянул гром».

Мы привыкли гордиться тем, что марксизм — это революционное учение, преобразующее мир, часто цитируем тезис Маркса о Фейербахе: философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы переделать его. Молодой Маркс писал это в 1845 году, когда успехи науки и техники в условиях бурно развивавшегося в Европе капитализма создавали видимость всевластия человека над силами природы и порождали надежды на возможность конструировать мир по своему усмотрению. Однако сегодня мы можем уверенно говорить о том, что материальный мир — система саморазвивающаяся, самоорганизующаяся, саморегулирующаяся и самосовершенствующаяся. Только путем саморазвития, методом проб и ошибок, посредством перебора альтернативных вариантов и постоянной коррекции на основе обратных связей система может прийти в равновесное состояние, оптимальное для данных условий. Всякая же попытка волевого вмешательства, насильственной переделки мира (или его части) по заранее заданной схеме приводит к дестабилизации системы с непредсказуемыми последствиями.

На мой взгляд, история СССР служит хорошей иллюстрацией этому: мы наш новый мир, конечно, построили, но результат получили, мягко говоря, отличный от предполагавшегося. Неизбежным следствием подмены механизмов саморегулирования в такой сложной системе, как социум, надуманными идеологическими установками явилось возникновение административно-командных структур, безудержный рост бюрократии и многие негативные явления, которыми характеризуется «реальный социализм».

Сегодня вооруженные системой знаний второй половины XX века мы со всей очевидностью должны признать, что мир переделывать нельзя. Мир такой, какой он есть, мы можем только наблюдать и изучать. Исторический, нередко горький, опыт гово-

рит о том, что жизненно только то, что рождено самой системой в процессе ее естественного развития, — будь то природа, социум или мир в целом. Все привнесенное извне неизбежно отторгается. Таким образом, основной причиной неудачи построения социализма представляется подмена самоорганизации — регламентацией, когда обществу предписывается жить так, как считает вооруженное «единственно правильной теорией» начальство, а не как этого требует человеческое естество и подсказывает проверенный многовековой практикой здравый смысл.

Выяснив причину, уже проще ответить на вопрос: что же делать? Ответ лежит на поверхности — нужно принять ту модель общественного устройства, которая выработалась путем саморазвития, прошла проверку временем и доказала свою эффективность. Наиболее характер-

ными чертами этой самоорганизованной модели являются рыночная экономика, демократия, многопартийность, парламентская форма правления, суд присяжных. Безработица? И безработица тоже. По видимому, ее следует рассматривать как неизбежное условие прогресса, экономического процветания, побочный эффект, плату за те социальные блага и материальный достаток, которыми пользуется население развитых стран Запада. Иначе — «всеобщая занятость» и пустые полки магазинов (опять принцип дополнительности!)

Кто-то сказал, что демократия не очень удачная система, но лучшей никто не придумал. Можно уверенно сказать, что никто и не придумает.

Р. ГОЛОУДИН,
геолог,
г. Ленинград.

Руководящая и направляющая

В общественной дискуссии об отмене ст. 6 Конституции* многопартийность понимается как единственно возможный путь демократизации. Так ли это? Сначала задумаемся, что есть КПСС, является ли она собственно политической партией? Политическая партия борется либо за

получение власти, либо за ее удержание, доказывая словами либо делами, что именно она лучше своих соперников защищает интересы народа, а на очередных выборах она смиренно выслушивает вердикт народа. Иное качество партии большевиков отражено и в ленинском определении — «партия нового типа», и в сталинском замечании об «ордене меча-носцев». Эта партия в 1917 году захватила власть, а с начала двадцатых, освободившись от соперников, правит единолично, фактически превратившись в структуру прямого администрирования. Именно эта ее управленческая функция и зафиксирована в упомянутой статье Конституции 1977 года.

Эту статью и надо рассматривать не как комплимент в адрес КПСС, а как содержательную конституционную норму. Не умиляться (или негодовать) надо, а вдумываться. Теперь

* «Статья 6. Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма.

Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

КПСС уже формально — основной элемент системы управления, а не политическая партия. Поэтому не стоит удивляться, что работники партийного аппарата, да и многие рядовые коммунисты так нетерпимы к фракциям и оппозиции; для них это бранные слова, синонимы антисоветчины и контрреволюции. В любой же нормальной политической партии текущая выработка позиции идет именно через фракции, это естественный инструмент внутрипартийной жизни, а оппозиция в демократическом обществе — необходимый и конструктивный элемент законодательной власти («оппозиция Ее Величества» в Англии). Но вот уж где фракции действительно неуместны, так это в системе управления, в частности, в КПСС, так как они ослабляют эффективность прямого управления.

Если КПСС настаивает на сохранении ст. 6 (что я лично считаю полезным до конца перестройки, до создания и стабилизации рыночной экономики), то логично требовать, чтобы она сама соответствовала глубинной сути этой статьи. В самом

деле, демократия, провозглашенная нами как цель перестройки, требует выборности всех органов управления. Значит и КПСС надо строить на выборной основе, с периодическим альтернативным избранием ее членов на общих собраниях трудящихся (жителей) на конечный срок, при тайном голосовании.

Демократия — это свобода выбора. Если мы не даем гражданину свободы выбора между партиями, то пусть уж у него будет свобода выбора членов единственной правящей партии. Но и самой КПСС надо дать свободу выбора: или отказаться от ст. 6 или безотлагательно перейти на выборный принцип комплектования (вместо застаревшего со времен подполья принципа пожизненной кооптации). Если партия не хочет потесниться, ей надо измениться.

Третьего не дано. Иначе КПСС грозит потеря власти или распад.

Владимир ЧУДОВ,
член КПСС с 1948 года, ветеран
войны и труда,
г. Москва.

Отделить образование от государства

Дискуссии по правам человека пока еще не затронули нарушений этих прав в области образования. Один из общеизвестных примеров этого — принудительное распределение выпускников вуза, которое обязывает человека «отработать» свое образование, а следовательно, сводит на нет само право на образование и его бесплатность в нашей стране.

Человек, не имеющий права в течение ряда лет переменить место работы и жительства, по существу является все тем же «специоселенцем», о котором мы знаем из недавней нашей истории. Прорабатываются даже такие предложения, как «выкуп» предприятием выпускника, оплата

предприятием учебы намеченного им будущего специалиста (с обязанностью «отработки») на этом предприятии), что и вовсе возвращает нас к феодально-крепостническим отношениям (именно так это расценивается нашей Ассоциацией преподавателей вузов).

Впрочем, «распределение» специалистов начинается еще до их поступления в вуз. Оно заключается в том, что государство, исходя из «потребностей народного хозяйства», само определяет набор в вузы по тем или иным специальностям, что заранее лишает большую часть молодежи права выбора желаемой профессии (а искусственно вздутые «конкурсы» лишают многих способных людей и

самого права на получение высшего образования). Это стремление государства предопределять судьбы граждан, распланировать всех по своим шесткам порождает в юных душах отчужденность и безверие, социальную пассивность, а то и явно антисоциальное поведение, т. е. наносит непоправимый ущерб нравственному здоровью общества. Причем теоретической основой всего этого служат лишь умозрительные построения раннего утопического социализма, для которого понятия «права личности» просто не существовало.

Еще более нетерпимое нарушение прав заключено в государственной политике принудительного привития всем гражданам единого мировоззрения, что означает лишение каждого права на выбор собственного мировоззрения. Во все века задачей умственного и нравственного воспитания было развитие

в человеке способности к самостоятельному мышлению, к сознательному выбору идей и принципов поведения. Воспитание же «в духе преданности» определенным идеям подрывает саму возможность свободного развития личности, т. е. объективно направлено на задержку развития, противоречит самой сути воспитания и образования. Нам пора осознать, что деидеологизация, деполитизация образования и воспитания являются необходимым условием декларируемого сейчас возвращения к общечеловеческим ценностям, а одновременно и условием восстановления нарушенных человеческих прав.

**Валерий ГУРЕВИЧ,
доктор филологических наук,
председатель оргкомитета
Ассоциации
преподавателей вузов.**

Другой облик, другие глаза...

Я решил просить у вас помощи, так как мне трудно самому разрешить эту проблему. Я не женат, и хотел бы найти жену иностранку. Я ищу жену с другим обликом, другим языком, другими глазами. В Китае много молодых людей, женившихся на иностранках, и я хотел бы последовать их примеру.

Я китаец, мне 34 года, не судим. Я люблю смотреть фильмы, работаю переводчиком, не курю и не пью. Я скромный и ни разу не был женат.

Мне хотелось бы найти девушку 25-35 лет, скромную, говорящую по-

английски и любящую китайский образ жизни.

Пожалуйста, напечатайте мою просьбу в журнале, это даст мне надежду. С вашей помощью я надеюсь найти хорошую жену из вашего народа, народа, который кажется мне прекрасным. Это укрепило бы дружбу между нашими странами.

**To: Mr Gong JANGUO
No. 15. Chaer Lane,
Qianmen area
Peking,
CHINA.**

РЕЧИ К РУССКИМ

Наш корреспондент отправился в Тбилиси познакомиться с работой Грузинского комитета защиты мира, ввиду современных дискуссий о будущем советского мирного движения. Но командировка приобрела неожиданный, хотя и логичный поворот...

Вахтанг РЧЕУЛИШВИЛИ заместитель председателя Грузинского комитета защиты мира:

Еще в 70-х годах Збигнев Бжезинский писал, что национальный вопрос в СССР в 80—90 годах может приобрести более острые формы, чем расовый кризис в США. Предсказание, к несчастью, оказалось не «клеветой антисоветчика», а реальным политическим прогнозом.

Я считаю, что винить в нарастании национальных кризисов нужно не перестройку, как это делают, тайно или явно, наши «правые», а именно систему нынешнего государственного устройства. Как идея социальной справедливости, так и принцип справедливости национальной утверждался у нас насильственным путем. Уничтожив государственность национальных республик и декларативно провозгласив право всех наций и национальностей иметь собственные государственные образования, мы своевольно перекраивали территории республик, забыв, что стабильные государства не создаются в силу чьего бы то ни было волевого решения. Понятно, такая искусственно насажденная национально-территориальная система создает для своей охраны репрессивно-административный аппарат. Словом, национальные конфликты, которые в последнее время принимают такой размах, заложены в основе нашей политической системы, и без ее коренного изменения избавиться от них невозможно.

Защита мира для моего, послевоенного

поколения, всегда была понятием несколько абстрактным, связанным с противостоянием государств на международной арене. Но сегодня, особенно после 9 апреля, мир в Грузии стал категорией вполне осязаемой: у нас появился реальный страх перед «советскими», то есть перед использованием армии для «успокоения» населения или урегулирования межнациональных кризисов. Поэтому и вопрос о национальных воинских формированиях приобрел для нас особую злободневность.

Сумеет ли Россия добровольно отказаться от формулы взаимоотношений с нами, определяемой позицией «старшего брата»? Непонятно, почему с таким подозрением воспринимается у вас идея о том, что общие интересы союзных республик можно защитить и с помощью вооруженных сил, объединяющих национальные армии членов Союза (к примеру, скажем, Варшавского договора).

Что касается «единой и неделимой» армии, то поневоле вспоминаются слова австрийского императора Франца-Иосифа о том, что вся империя будет стоять прочно, пока у него венгры проходят военную службу в Италии, итальянцы — в Австрии, а австрийцы в Венгрии. Мы, грузины, считаем, что требование иметь собственную армию выражает естественное желание народа наполнить реальным содержанием суверенитет республики и отказаться от строения любых союзных структур по имперскому принципу.

Сейчас в Закавказье небывалый всплеск национальных чувств. В таких условиях меня не столько беспокоит сама по себе возможность выхода той или иной республики из состава Союза — здесь, понятно, решающее слово останется за народом — сколько общественно-политическая атмосфера, в которой это может произойти. Если некому будет прислушиваться к «гласу народному», то к крайне нестабильным зонам мира (а относительно устойчивым сегодня можно назвать положение лишь в нескольких высокоразвитых

странах) примкнут и «неблагополучные» территории Союза, где экономические и социальные процессы могут резко пойти в сторону деструктивности. И тогда выход Грузии, или каких-то других республик, из состава Союза произошел бы уже в обстановке и международного, и своего, советского терроризма. Поэтому, если вы за подлинное миротворчество, вы не вправе отвергнуть диалог с национальными движениями, даже если их цели и не совпадают с вашими.

Иракли ШЕНГЕЛАИА председатель **Партии Национальной Справедливости Грузии** (теперь — **Конституционная партия Грузии**)

Национальное движение отстаивает свободу не только нации, но и личности. Я считаю, что в независимой Грузии все вопросы, касающиеся национальных отношений и прав человека, должны решаться на основе принципов международного права. Если мы не будем рассматривать процессы, происходящие в Грузии, в глобальном плане свободы, то, увлекшись лишь критикой официальной власти, легко упустить вопрос о правовом статусе верховного правления в будущей свободной республике.

Обеспечим ли мы тогда основы подлинной плюралистической системы или внутренняя политика нового государства будет характеризоваться какими-то недемократическими тенденциями? Страх перед эксцессами тоталитаризма в будущем может уже сегодня оттолкнуть от национального движения лучшие силы интеллигенции, как раз те, которые призваны дать ему конструктивность.

Всем нам надо учиться парламентскому джентльменству, ибо в условиях независимости сегодняшним неофициальным партиям предстоит стать архитекторами новых политических институтов.

«Быть свободным» в буквальном переводе с грузинского означает «сознавать господином самого себя». Мы уверены, что в экономическом плане свободу может обеспечить лишь частная собственность. Для решения нескончаемых споров при определении хозяина-собственника Грузия, как и, наверное, другие республики, должна объявить два вида собственности: национальную и частную, открыв тем са-

мым возможности для свободного развития рыночных отношений. В целом мы — приверженцы процесса капитализации общества.

Наша партия проповедует и поддерживает восстановление традиционных форм землепользования при сочетании, конечно, с достижениями развитой рыночной экономики (акционерные общества и т. п.) И я надеюсь, что и русский народ будет обращаться к историческим принципам хозяйственного развития своих земель.

Часто можно услышать, будто в независимой Грузии крайне острый характер могут принять межнациональные отношения. Такие мнения мы категорически отвергаем. Думаю, что ответственность за нагнетание этнических конфликтов ложится на ту политическую структуру, которая существует в «державе» на протяжении десятилетий. Взаимопонимание достигается посредством диалога между сторонами, а у нас создан как бы треугольник, вершина которого представлена «центром», который рассматривает решение любой проблемы с точки зрения интересов метрополии. Две грани, идущие от «центра», воссоединяют его с двумя конфликтующими регионами или народами, а третья грань, которая должна служить для диалога между обоими заинтересованными сторонами, остается разорванной. Все проблемы национальных споров решаются только после восстановления этой злополучной третьей грани. И одно из первых условий ее возникновения — многопартийная система.

Пока же ситуация остается прежней. Народы СССР вынуждены изливать в Москву свои жалобы, а механизмов самостоятельного разрешения конфликтных ситуаций у нас не существует.

Гиа БУРДЖАНАДЗЕ, член **Христианско-демократической молодежной ассоциации Грузии**:

Нравственная основа будущей Грузии — десять библейских заповедей: если люди проникнутся их духом, то мы избежим и идейного, и национального фанатизма. И очень грустно, что, по сути, ни одно общественное движение в России сегодня не имеет под собой подлинной религиозной основы: церковь и народное движение так и не нашли пока у вас точки

соприкосновения. Я не могу не уважать голос 6 миллионов москвичей, проголосовавших за Ельцина, но мне кажется парадоксальным тот факт, что многомиллионный русский народ, имеющий богатейшие религиозные традиции, до сих пор не имеет своего христианского лидера.

Религия ни в коем случае не должна становиться жупелом национального движения — нет, она призвана открыть народу путь к высшей духовной свободе. Дорога эта завещана каждому человеку, и этому завету подчинены все основные пункты нашей программы: независимая Грузия, частная собственность, многопартийная система, конституция на основе Всеобщей декларации прав человека. В будущем государстве, мы надеемся, любые организации и идейные течения смогут отстаивать правоту своего пути, в том числе и коммунистическая партия, которая, правда, существовала бы не в нынешних парниковых условиях, а в атмосфере свободной конкуренции мысли. Мы и за деидеологизацию школы, за то, чтобы детское сознание не засорялось окаменевшими идеологическими штампами: как вырастить свободного человека, если он лепечет про Октябрь, еще не усвоив элементарных нравственных норм?

И я хочу спросить вас: что, собственно, антирусского, антисоветского можно усмотреть в нашей программе? Как англичанин XIX века нес «бремя белого человека», наводняя все уголки земного шара своими шляпами и галстуками, так и вы, русские, взвалили на себя непомерное «бремя советского человека», засыпая окраины чужными идеологическими трафаретами. Эталон социализма по-прежнему хранится только в Кремле (да еще, видимо, в ленинградском обкоме.) А потому, какие бы зигзаги ни выплывала ваша политика, в какие стороны ни шаракалась, мы всегда должны рукоплескать ей, как полностью соответствующей социалистическому идеалу.

«Вы хотите отпасть от нас!» — но это дьявол мог отпасть от Бога и создать свой мир, полностью противоположный ангельским кушам. Мы же не видим причин, выйдя из Союза, превращаться в лютых антисоветчиков. А поди попробуй мы обвинить вас в антигрузинских или антилиговских настроениях? Право таких приговоров принадлежит только вам!

Какое-то проклятие тяготеет над русским народом: ему вновь и вновь надо прибегать к насилию, чтобы обрести себя. Но в том и парадокс, что не стать вам самими собой, пока не дадите нам быть такими, какими мы хотим себя видеть.

Многие мои московские знакомые пугают себя выходом Грузии из Союза: тогда, мол, Русь-матушку захлестнет хаос экономических и социальных потрясений, которые повлечет за собой процесс суверенизации. Да помилуйте, какой еще хаос вам нужен, когда каждая вторая 17-летняя московская девчушка только и мечтает, как бы выскочить замуж за иностранца, когда у дверей западных посольств — толпы «утекающих мозгов», а простой рабочий рад «схватить кайф» и от дихлофоса — только бы забыться! Чего вам еще бояться?!

У каждого народа есть свой крест и нужно покорно нести его, если хочешь заслужить Божью милость. У вас он тоже есть — пройти через массу невзгод, чтобы обрести свое человеческое лицо и дать свободную дорогу другим народам. И я призываю вас: не надо, едва начав каяться в содеянном за прошлые годы, отталкивать свой крест от себя...

Вахтанг РЧЕУЛИШВИЛИ. При нынешней напряженной обстановке наш комитет ставит главной своей целью: способствовать процессу демократизации общества путем мирного перехода к многопартийной системе, создать условия, гарантирующие республику от монополизации власти какой-либо группой людей, способствовать восстановлению грузинской государственности мирным путем, при одновременном создании системы равноправных и гармоничных связей между советскими республиками. Во имя этих целей мы решили открыть грузинский Институт Мира, где наши ученые, стоящие на различных политических платформах, будут сообща намечать пути нашего будущего развития, используя, конечно, новейшие достижения мировой науки.

В чем я сейчас вижу конкретные задачи наших политологов? Во-первых, способствовать тому, чтобы грузинский народ осознал то место, которое занимает сейчас и может обрести в дальнейшем в системе мировых экономических и духов-

ных связей. Это помогло бы тем общественным силам, которые формируют наши национальные движения, подходить к вопросам тактики более взвешенно — с точки зрения реальных последствий каждого нового их шага не только для республики, но и для общемировой ситуации.

Все наши усилия сегодня сводятся к одному: создать систему самостоятельных гармоничных связей между республикой и другими народами, союзными и зарубежными. И, думаю, на такой основе естественных контактов Грузия и будет выбирать свой «общий дом», то есть тот регион, к устойчивым связям с которым она бы тяготела в силу экономических, географических и духовных причин. Я считаю, что идею «нерушимого Союза» давно пора заменить концепцией «общего дома». Мы с удовольствием употребляем это словосочетание по отношению к Европе, — так почему же стесняемся перенести его и на взаимотношения между нашими республиками?

Когда-то на Руси говорили, что Москва — третий Рим, а четвертому не бывать. Но любой Рим — даже советский — это лишь обусловленное историей образование, и сегодня прежде всего содержание нашего Союза и старые его границы могут стать тесными для нас. С этой точки зрения я не исключаю возможность и постепенного образования **единого кавказского дома** — вне зависимости от того, по какой сторону государственной границы СССР будет находиться та или иная его область.

Но, естественно, идея «кавказского дома» не является единственной или даже приоритетной при разработке путей политического развития Грузии. Наибольшей популярностью среди наших политологов пользуется идея членства Грузии в «европейском доме». Есть и сторонники создания особого «черноморского дома». Много думают у нас и над тем, как придать новое содержание грузинско-русским связям. Но для разработки всех этих тем нашим интеллектуалам еще предстоит проделать колоссальную работу. История показала, что нет ничего опаснее доверчивого следования привлекательным идеям, облеченным в легко усваиваемые формулы. Я убежден, что для строительства прочного регионального дома необходимо на

основе тщательного анализа всех интегрирующих и разобщающих факторов нащупать подлинный баланс многосторонних интересов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ КОРРЕСПОНДЕНТА

Сегодня практически все общественно-политические движения Грузии разрабатывают конкретные планы обретения независимости республики. Только Народный фронт создал для этого около семидесяти комиссий. Все партии, выдвинувшие идею независимой республики и объединенные в Комитет спасения, выступают за мирные методы достижения своих целей. Хотя некоторые из них объявили бойкот республиканским выборам, они надеются воздействовать на власть при помощи общественного мнения. Но в то же время, говорили мне, если грузинский народ не будет уверен, что сможет уже сейчас отстаивать свои национальные требования, настроения, возможно, будут клониться в сторону непредсказуемого радикализма.

Очень тревожит, что положение дел в республиках оказалось полностью исключенным из зоны гласности в центральной прессе. Среди репортеров наших изданий находятся десятки, готовых с плотоядным любопытством выслушивать хмельные исповеди валютных проституток. И — некому всерьез вслушаться в голоса тех, кто отстаивает достоинство своей нации... Но такая «гласность с белыми пятнами», подчеркивали мои собеседники, опасна и для русского народа, поскольку замедляет процесс роста его собственного национального самосознания: когда русского человека тянет поговорить с будущим, то, как правило, он рассуждает о проблемах и недостатках существующей системы вообще, воспринимаемой как некая недвижима абстракция. И очень мало задумывается о конкретных путях выживания России в кольце разрастающихся народных фронтов, о том, что нужно изменить в ее укладе, чтобы обеспечить мирные и деловые отношения с бывшими «младшими братьями». Я думаю, не определив своих собственных национальных целей в условиях реальных межнациональных отношений, мы, русские, будем лишь плодить новые конфликты вокруг себя.

Материал подготовила Г. Снопкова

Право на чужое без права на свое

Русский язык о советской экономике

Гасан ГУСЕЙНОВ,
Денис ДРАГУНСКИЙ
(Москва)

*«Прежде чем выяснять, каков предмет,
надобно установить, существует ли он
на самом деле»
(Аристотель)*

В политической невинности иные народные депутаты начали сознаваться уже во время предвыборной кампании весны 1989 года (где невинность еще входила в список добродетелей) и широко демонстрировали ее в дальнейшем на I Съезде (где этой невинности присвоено звание «народности» или «верности приславшим нас сюда избирателям»). Эти условия самым пагубным, хотя и вполне предсказуемым образом, отразились на совокупном интеллектуальном потенциале даже самых компетентных парламентариев. Необходимость соблюдать новые для нас парламентские приличия требует и от искушенных депутатов-экспертов держать маску «простого человека». «А вы у народа спросили?!» — то и дело раздается с трибуны или из зала.

Но сам народ, повсеместно разбираясь на фронты и движения за национальные возрождения, все меньше вслушивается в вопросы: под тяжелое дыхание толпы нет смысла вдумываться в смысл слов того языка, на котором говорят люди. Без всякого желания спорить с легионом народных обществоведов и политиков попробуем и мы воспользоваться своим профес-

сиональным правом (а филологов держат в обществе в основном для поддержания нормальных словесных сношений между гражданами) и предложить свой вариант ответа на ключевой вопрос времени. Этот вопрос: **что такое собственность?**

По нашему убеждению, все конфликты — от либеральных споров до резни на «национальной» почве — обусловлены поиском ответа на этот болезненный для СССР вопрос. Мы далеки от мысли, что стоит только сформулировать правильный ответ и перестанет литься кровь: слишком долго в массах культивировался подпольный иррационализм, слишком большую силу забрала вера в счастливую жизнь «по-простому», «в тесноте, да не в обиде».

Животное, преждевременно отнятое от родителей, станет беспомощным инвалидом — не умеет строить гнездо, добывать пропитание и продолжать род, хотя ничему подобному родители его специально не обучают. Очевидно существует базовый опыт, отсутствие которого не дает сформироваться и отдельным жизненным навыкам. И очевидно, для чело-

века подобным базовым опытом является жизнь в ситуации свободного владения и распоряжения собственностью.

Собственность — материальное иносказание личности; именно распоряжаясь собственностью, человек вращается в общество, вступает в сотрудничество с другими людьми-собственниками. Здесь формируется и шлифуется нравственность как язык социальных связей.

Ключевые формулы этого языка — «не убий» и «не укради» — основаны на уважении к собственности, в том числе и к собственности на себя самого. Кстати, этот вроде бы метафизический вид собственности — свобода распоряжаться самим собой — лежит в основе фундаментальных прав и свобод личности.

Но в криках о классовой целесообразности и социальной справедливости («грабь награбленное») нравственность умолкает. Чтобы отсечь ей язык навсегда, надо было уничтожить собственность как право личности. В любом обществе, даже самом благополучном, существует слой людей, лишенных собственности, — люмпены, социальное дно; естественное отношение к ним — сострадание, желание помочь, пристроить к делу. Однако уничтожение собственности меняет все.

Люмпен становится венцом социальной добродетели. Озаренный ореолом агрессивного нестяжания, он подавляет собственников-тружеников (в том числе и тех, что владели одной только своей рабочей силой, да хотели распорядиться ею поумному) и создает люмпен-общество с люмпен-культурой и люмпен-языком. Какой базовый опыт передаст ребенку люмпенизированная семья? Только зависть-ненависть к собственности и социальную неумелость.

«Перестройка», а в данном случае лучше сказать — сдвигка тектонических плит истории СССР, обнажила заповедную зону, откуда снова вышел Призрак. Когда в середине прошлого столетия он бродил по Европе в двух ипостасях — утопической идеи и политической доктрины, мало кто задавался вопросом о том, как будет выглядеть непосредственная практика, на что станет похож призрак, обретший плоть, — государственную власть? Тут надобна была какая-то палеонтологическая футурология: по кости, по слову требовалось восстановить корень идеи и прогнозировать

практические следствия. В России это и сделал филолог — Владимир Иванович Даль. В малозаметной статье «коммунизм» из «Словаря» читаем: «**Коммунизм** — политическое учение о равенстве состояний, общности владений и о правах каждого на чужое имущество».

Итак, определяя путь от утопической идеи «равенства состояний» через политическую доктрину «общности владений» к практической реализации «прав каждого на чужое имущество», филолог почему-то избегает слова собственность. Не будем лукавить — ясно, почему: коммунизм — бессобственническая идеология, для которой аксиоматично первенство общества перед личностью, общего перед частным. Абстрактный принцип равенства состояний вовсе не вызывает протеста, обеспечивая на первый взгляд равновесие общественных и личных интересов. Политическая доктрина обобществления владений уже означает резкое нарушение этого равновесия.

Снова читаемся в Даля: «**СОБЪ** — все свое, имущество, животы, пожитки, богатство; свойства нравственные, духовные, и все личные качества человека, особ. все дурное, все усвоенное себе по дурным наклонностям, соблазнам, страстям. **СОБСТВЕННЫЙ**, свой. **СОБСТВЕННЫЙ ДОМ**, свой дом (по какой причине мы свой заменили собственным? или это высокий слог?) **СОБСТВЕННОЕ**, ИМЯ, имя, кличка, название лица или вещи. **СОБСТВЕННОСТЬ**, имянье и всякая вещь, как личное достоянье, чье ПРАВО **СОБСТВЕННОСТИ**, безусловного владенья чем навсегда, обладанье».

Итак, примат общества перед личностью, общественной пользы перед личным интересом обусловил отказ от собственности как предметного окружения и даже воплощения личности. Лишая личность целостности и объявляя ее подчиненной частичкой общества, необходимо и собственность переименовать в «частную собственность»: тавтологизм этого выражения сделал его исключительно удобным объектом травли.

Но вот собственность уничтожена, и начался спазматический процесс дележа награбленного. Как пустить его в более или менее пристойное русло? На помощь приходит другая фигура речи — оксюморон: все объявляется «общественной собствен-

ностью». Огосударственное общество становится фантомным хозяином чужого имущества. Грамматическая и логическая бессмысленность выражения «общественная собственность» не отменяет его порядочной поэтической силы (ср., например, подобное название: «Горячий снег»). Мистический, чтобы не сказать — дьявольский, смысл его господства в массовом сознании усугублен, конечно, и тем, что собственно обобщественными, то есть ставшими общими для всех, оказались «свойства нравственные, духовные..., особые дурное, все усвоенное себе по дурным наклонностям, соблазнам, страстям». Ну, кто из нас скажет, что он не узнал себя в одном только слове из столетней давности словаря?

Угнездившись в сознании людей, словосочетание «общественная собственность» обеспечивает носителей языка моральным оправданием новой роли индивида в обществе: всякий не умирающий с голодухи праведник должен отныне чувствовать себя хоть немного вором, урывающим от общественного пирога, который хотя и ничей, но для нормального индивидуального сознания остается все-таки чужим. То обстоятельство, что сам ты ограблен, — весьма слабое оправдание твоих собственных грабежей. Круговая порука всеобщего воровства — вот крупнейшее практическое достижение бессобственнической идеологии и политики.

Вернемся теперь к вопросу, который задает сам себе Даль: «по какой причине мы **свой** заменили **собственным**? или это высокий слог?» В нашем сегодняшнем обиходе это — глубочайшая проблема.

Один из мифов люмпен-культуры утверждает, что собственность бездуховна, принижает человеческое в человеке и т. п. Но вот понятие «дом» — здесь собственность наиболее отчетливо обретает духовную сущность: дом — гнездо семьи, средоточие традиций и вместе с тем мое владение. Владение в принципе не отчуждаемое — как жизнь, как душа. Разве можно у человека отнять жизнь? Его можно убить, уничтожить. А отнять дом — значит уничтожить личность, превратить человека в злого нищего. Дом может сгореть, разрушиться в войну, но разве можно сказать человеку: «Ваша деревня перспективная, так что бросайте дом, переезжайте»? Или: «Ваш дом забирает

министерство, вам дадут квартиру в новостройке»? Возможно ли сказать человеку, что он и не человек вовсе, а — быдло, раб, или, изящно выражаясь, «винтик»? Сказать, да чтобы он **поверил**?

Можно — если прежде отнять у него **дом как собственность**. Один человек сделал замечание технику-смотрителю, слишком уж бесцеремонно зашедшему в его квартиру с утра пораньше, когда все спали: «Вы все же пришли ко мне в дом!» «Это не ваш дом! — был ответ. — Это государственная жилплощадь». И это правда! Дом превратился в «жилплощадь», у жилплощади появились «излишки», нашлись охотники эти излишки «учитывать» — дабы впоследствии изъять. Эти-то фискально-карательные термины и составляют ныне словесный ореол старого доброго понятия «дом».

Отказ от бессобственнической идеологии протекает сегодня тем болезненней, с чем большей высоты и с чем большей решимостью была в свое время низвергнута «собственность». Ее ведь тоже не просто ликвидировали. Собственность — это совокупность владения, пользования и распоряжения. При этом фундаментальное отношение — «владенье навсегда», неотчуждаемость собственности от владельца — образует единственный принцип социальной устойчивости, которая требует либо высокого слога, либо полного отрицания. Либо чужое — священо и неприкосновенно, либо — все твоё.

Миллионы нищих «хозяев державы», отдав свой личностный статус огосударвленному обществу, стоят в бесконечной очереди за чем-то таким, для чего слово собственность уже не подходит. Каждый стоит, наделенный общими пороками всех, со своей готовностью вломиться в чужой разговор и в чужую душу, справедливо полагая в матерном патернализме корень и, так сказать, конечную цель высшей общественно-политической формации.

Общественная система, не предполагающая первенства личности перед любым коллективом, не знает собственности, а потому не нужны ей и законы о собственности: у нее есть только законы о **распределении чужого** имущества. И любой потенциальный собственник, скажем, крестьянин, сто раз подумает прежде чем взять предлагаемый ему в аренду надел: он по-

нимает, что все равно толпа (какая ему разница — колхозников или народных депутатов?) сможет принять решение об изъятии, не основанное даже на видимости права.

В СССР непризнание первенства лично-государственного суверенитета гражданина перед государственным суверенитетом отягощено мифологией этнической или национальной собственности, получающей все больший размах. Согнанным в толпы людям внедряется в мозги новая форма бессобственнической идеологии — идеология Национального Возрождения. Вновь человек оттесняется на задний план, уступая дорогу новому мнимому субъекту, — нации. Действительно важнейшая проблема обеспечения равных гражданских и политических прав людей разных этносов и групп подменяется зоологическим дележом территории между народами.

Вместо всеобщей классовой нищеты изверившимся людям подсовывается нищета национальная. В роли «носителя нации» личность деградирует с еще большей скоростью, нежели в обличье «представителя класса». Если вопрос о собственности не найдет внационального разрешения, если личные права гражданина не будут поставлены над коллективом, нацией, обществом и государством, то гражданский и национальный мир в СССР будут обеспечивать какие-то будущие варяги, как это уже бывало в прошлом, много столетий назад.

В спорах о частной собственности только и слышно, что «народ этого не примет». Возможно, это и так, если под народом понимать люмпенизированное население. Может быть, таких людей даже и большинство. Но, по нашему разумению, те, кто способен уже сейчас взять в руки собственность — частную, арендную, кооперативную, но собственность, — именно они, хоть и в меньшинстве пока, **и есть народ**. Настоящий, работающий, рискованный народ — остатки многократно оплаканного «генофонда нации».

Социальный опыт нельзя приобрести по заказу. Ребенок, не научившийся говорить к пяти годам, уже никогда не научится человеческой речи. Так и мы, несколько поколений прожившие без собственности, уже не станем сознательными, активными собственниками-тружениками. Какой бы самый демократичный закон о собственности ни был принят, нам от него все равно будет не по себе: один будет бояться эксплуататоров, другой — горевать по уступленным принципам, третий — вспоминать бесхлопотную нищету социально-го иждивенчества.

И все же лучше перемучаться, перемазаться в чужом и неуютном для нас мире свободных собственников — мире наших детей и внуков, того самого народа, именем которого клянутся со всех трибун те, кто нас обирает.

По ту сторону империи

Возможно ли русское национальное самосознание?

Михаил ЖЕРЕБЯТЬЕВ (Воронеж)

Осознание народом собственного величия — важный симптом. Не ставлю под сомнение серьезные основания для зачисления русских самими собой и всем

миром в число «великих» народов, но вот оборотная сторона «титанизма» кажется не менее интересной, чем лицевая.

Подход к историко-политической сфере

русского самосознания начну, пожалуй, с вызывающе простого, но в то же время крайне показательного явления — национальной символики. Сегодня, когда почти во всех республиках легализованы национальные цвета и флаги, вдруг оказалось, что одни русские ходят как безродные, без собственной национальной символики, как будто они не народ, за плечами которого многовековая история, а сброд космополитов.

НАЦИЯ ЛИ МЫ?

Действительно, был ли когда-нибудь у русских свой **национальный** флаг? Трудно назвать русским национальным флагом петровский имперский «триколер», переделанный из голландского, и тем более церковную хоругвь Куликова поля, предлагаемую в качестве державного символа агитаторами «Памяти». Ведь потребность в цветовом оформлении национальных идентификаций появилась в наиболее развитых европейских странах по крайней мере в XVII—XVIII веках. По этому пути создания национальной символики последовали и все другие, рождавшиеся в XIX—XX веках национальные государства. Согласитесь, трудно приравнять к национально-государственным символам достаточно определенную иконографию; да и как быть с чувствами неверующих или инаковерующих?

Отсутствие в русской истории естественно возникшей общенациональной символики поддается истолкованию при анализе фундаментальных исходных принципов построения и функционирования русской общины. Модель общинного микрокосмоса указывала на способы компенсации прикреплённости крестьянина к земле — выходом рядового общинника в создаваемую им и ему подобными Великую Русь. Не стану останавливаться подробно на хозяйственно-демократической оправданности подобного способа освоения территорий, но сдается, что при посредстве общины, через ее символично-космологическое уподобление всему сущему можно заглянуть в недра русского мессианства. Это явление — некий род вселенской компенсации рамок территориальной обособленности.

Этноним «великоросс» выражал факт этнической принадлежности, так сказать,

по «государственному реестру»; в обиходе же великоросс продолжал оставаться кем угодно — помором, пошехонцем, шеряком, терцем, кубанцем, даурцем... Сказанное вовсе не относится к существовавшей тогда строго фиксированной (почти как теперь национальность в документах) абсурдной иерархии вероисповеданий, определявшей правовой статус личности. К тому же для украинцев и белорусов понятие «великоросс» означало непризнание за ними права быть отдельными народами, свободно развивать свои языки и национальные культуры.

АЛЬТЕРНАТИВЫ ИМПЕРИИ

Укрепленность империи в недрах общины подводит к неизбежному вопрошанию: могло ли быть иначе? Как быть с неукротенным, если довериться Льву Гумилеву, духом пассионарности русских? Ученый вряд ли согласится на то, что вся пассионарность народа выгорела в социальных катаклизмах XX-го века.

Ответить на эти вопросы поможет разбор альтернатив империи и имперскому самосознанию, успешно дожившему до наших дней и вдобавок «обогашенному» теорией и практикой сталинизма. Важно и то, что эти альтернативы укоренены в мессианстве и вполне могли бы произрасти на его основе.

Спрашивается, зачем царю Ивану Грозному надо было «рубить» такое дорогостоящее «окно в Европу», когда русские владели Корелой и Орешком? Тем более, что в чем-чем, а в прозападнических построениях организатора опричнины заподозрить просто невозможно. Так ли это, что Москва — единственный град Руси, предназначенный судьбой быть центром русского государственного образования, а ее князья, взвалившие на себя миссию собирателей русских земель, являлись истинными выразителями чаяний народа?

Политическая модель Пскова и Новгорода, сохраняя верность русским мессианским установкам, по сути своей может рассматриваться как антипод империи. Эта модель дает простой и естественный выход пассионарности — в освоении территорий начинаниями промысловыми, торговыми, монастырскими. Возможно поэтому в Новгороде были какое-то время

терпимы даже иудействующие еретики.

Такое видение своего места в раздвигающемся мире в чем-то схоже с концепцией эллинской колонизации Сицилии и понтийских берегов. Никакая значительная государственно-централистская принудилка не вызвала бы к жизни хозяйственный расцвет в условиях длительной колонизации восточноевропейского Севера с его природными особенностями. Недаром на шею северорусским общинам не удавалось посадить барина. Империи приходят на готовенькое, умело или не слишком распоряжаясь плодами прешественников.

Другой погибшей альтернативой русской государственности было самое крупное государственно-политическое образование, существовавшее на территории бывшей Киевской Руси — Великое княжество Литовское. Несмотря на все социальные издержки, сопряженные с неизбежным, в силу невероятной многочисленности шляхетского сословия, покушением со стороны этого слоя служилых людей на свободу общин, эта историческая альтернатива может показаться предпочтительней, нежели на нашу беду реализованная, московско-имперская.

Преобладание русского населения в Великом княжестве Литовском позволяет порассуждать о нереализовавшихся тенденциях исторического развития. Единое русское национальное государство — Великое княжество Литовское в составе Речи Посполитой, доведись ему осуществиться в нашей истории, направило бы мессианскую энергию русских на выработку социально-адаптивных механизмов, знакомых нам сейчас по истории других народов.

Остановлюсь еще на одном обстоятельстве. Недовольство со стороны русских литовцами, «узурпировавшими», а точнее, передавшими полякам верховные символы власти, компенсировалось бы участием в постоянно изменяющейся внутриполитической борьбе. Упор в таких случаях делается на подчеркивание местных интересов, без которых немислима никакая шкала измерения национальных ценностей. И горячо любимое многими поколениями русских православие в таких условиях было бы гораздо более естественно живучим, даже пойдя на

крайность — церковную унию. Последние ромей, сделавшие так, прежде ничего особенного не выиграли, но ведь и не проиграли! Не знаю, конечно, но по мне лучше жить с наместником Христа на земле — римским папой, чем с бюрократическим сатаной Победоносцевым.

Такая специфичная социальная структура способствовала бы приватизации общественной жизни, формированию пусть очень своих, но по большому счету адекватных западным представлениям о свободе. Про приоритеты национальностей при такой расстановке социальных сил остается только гадать, но ясно одно — это государственное образование мало смахивало бы на знакомую нам империю.

РУССКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ

Региональный способ разрешения экологических проблем представляется мне более отвечающим интересам русских как народа, нежели глобально-государственный, не дающий реальных результатов. Русский регионализм как совокупность хозяйственных инициатив местного значения видится мне в социальной цепочке: трудящиеся — местная администрация — общепромышленный центр. Прибалтийский феномен национального единства и сотрудничества в экологических вопросах (консолидация народа и властей) кажется русским каким-то недостижимым идеалом и, возможно, объектом тайной зависти. Одна из ключевых, неразрешимых для русского национального самосознания проблем — может ли народ существовать только как подданный империи или же сам по себе?

Традиционный общинный способ освоения новых территорий предполагал личное начало. Теперь же русский действует не сам по себе, а исключительно как полпред (винтик) большой системы.

Повторяемую на все лады мысль об аренде в сельском хозяйстве как спасительнице русской деревни представляется важным перевести в плоскость рассматриваемого русского вопроса. Хозяйственная регионализация, если она станет фактом нашей жизни, сгруппировав по-новому ныне обезличенное русское население, связав людей устойчивой территориально-хозяйственной общностью, создаст тем

самые новые региональные национальные общности, в связи с чем потребуются новая, возникающая естественным путем структура национального самосознания. Контур этого национального самосознания вырисовываются уже сейчас в одном направлении — диаспоризации сознания. Процесс неизбежной диаспоризации может стать управляемым (в чем, по моему разумению, крайне заинтересован общесоюзный центр) в том случае, если сам центр в законодательном порядке признает за русскими право на создание на территории РСФСР автономий на уровне района, села и т. д. по этнографическому и этноконфессиональному признакам. Вне пределов РСФСР, само собой, там, где это целесообразно, также нужны русские автономии, не исключено, что и более высокого уровня, например, как Калининградская область в составе Литовской ССР на правах Русской АССР.

Откладывать создание малых автономных форм для конфессиональных групп русского населения, самых подготовленных на сегодняшний день к принятию такой автономии, дальше нельзя. Главные цели существования таких малых этноконфессиональных автономий в России — учет и сохранение на светской основе сложившихся в лоне разных вероисповеданий хозяйственных, бытовых и психологических особенностей разных групп русского населения. Можно не опасаться религиозных корней в этих автономиях — слишком сильны в обществе интегративно-секулярные процессы, а вот непризнание существования в стране целых земель, где преобладающим населением являются верующие (представители определенных вероисповеданий), по меньшей мере лицемерно.

РИСК «ИСЛАМИЗАЦИИ»

Создание земельных автономий способно будет в обозримой перспективе смягчить «исламизацию» (имеется в виду смена не конфессиональной, а культурно-бытовой ориентации) русского населения и создать обстановку взаимной терпимости. К такому выводу подводят довольно очевидные события последнего времени.

Не столько вообще неблагоприятная для русских демографическая ситуация,

сколько планируемый и проводимый уже вывоз населения из традиционно мусульманских районов Северного Кавказа и Средней Азии на постоянное жительство в сельскую местность центральных областей России поставит перед многими русскими выбор — какая культурно-бытовая ориентация для него более приемлема?

Благоприятными факторами «исламизации» русских следует считать: 1) прекрасную приживаемость ислама там, где отсутствуют прочные национальные корни, 2) практическое отсутствие в русской имперской идеологии антиисламских мотивов, несмотря на все сложности в отношении с исламскими странами за всю историю России, 3) простоту нравственных заповедей этой религии, органичных человеческому естеству, 4) прочность внедрения ислама посредством бытовых стереотипов, 5) предельно развитый эгалитаризм ислама, 6) активную общинную жизнь и высокий статус родственных связей, 7) преобладание мужского начала.

Для полноты картины необходимо указать на положение русских в союзном государстве, сравнить его с положением русских в империи Романовых, то есть ответить на вопрос: **престижно ли в наших условиях оставаться русским?**

Слагаемые довольно низкого общественного статуса русских, на мой взгляд, следующие: 1) неадекватный другим народам, способ определения своей национальности (причисление себя к народу не через принадлежность к традиционному этнографическим группам, а через соотнесение с государственным целым); 2) формирование высших эшелонов партийного, государственного аппаратов, а также армии и дипломатического корпуса из русских или лиц других славянских национальностей, только по документам продолжающих значиться украинцами или белорусами (замечу, сама по себе национальная принадлежность вовсе не гарантия получения должности для любого русского); 3) навязываемый административными инстанциями как общеобязательный русский язык (даже в тех случаях, когда это противоречит здравому смыслу, как например, в диссертациях о национальных языках и литературах, выполняемых представителями этих народов), при сплошь распространенном незнании русскими языков народов страны; 4) неком-

петентность и несамостоятельность русских чиновников при решении хозяйственных проблем, чреватых в своих последствиях гибелью для отдельных народов. И когда у человека, русского по традициям, языку, есть выбор на основании анкетных данных родителей записаться или русским, или кем-либо другим, он зачастую записывается «другим» довольно охотно, где бы ни жил.

Изменение положения русских в стране возможно при условии их этнографической регионализации и культурной диаспоризации, но это только внутринациональный срез. Решение русского вопроса в контексте общесоюзных межнациональных отношений представляется мне осуществимым при переходе к союзному государству, сам принцип федерализма в котором будет избавлен от национальной окраски. Противоречия центра и национальных районов будут смягчены при трехуровневой схеме национального самосознания у всех народов нашей страны (роль и функции национальных районов для евреев, армян советской диаспоры, немцев, курдов, ассирийцев, цыган и в каких-то случаях русских, украинцев и белорусов могут выполнять общесоюзные советы по делам национальной культуры этих народов).

Первый уровень самосознания — общинно-этнографический, второй — собственно национальный и третий — общесоюзный. Принятое в застойные годы для обозначения последнего уровня понятие «единый советский народ» в том виде, в котором оно фактически сформировалось и понималось властью предрержащими, конечно же, теоретически неубедительное, а на практике дискредитировавшее себя, все же указывает на то, что подобный уровень для союзного государства характерен, и главная задача всех народов, населяющих страну, — создать приемлемый для всех общесоюзный уровень национального самосознания на ненациональной основе.

Самая большая сложность ожидает страну в вопросе о языке. Двужычие русской элиты XIX — начала XX века придавало ей в глазах народов страны большой вес, могло быть психологически сопутствующим фактором, способствующим усвоению русского языка другими народами, а также заставляло русских из среды

простолудинов, живущих по соседству с другими народами, овладевать их языками.

Как будет развиваться языковая ситуация в СССР в дальнейшем — представить трудно. Частично снять напряженность, думаю, поможет кампания, поднятая в национальных республиках за признание национальных языков государственными. Но как быть с русскими, проживающими в РСФСР, особенно в районах с ярко выраженной русской языковой и культурно-исторической доминантой?

НА ВОЛГУ!

Первейшим шагом на пути создания принципиально нового уровня союзной федерации мог бы стать акт символического значения, знаменующий отказ русских от роли имперского народа, превращение их в «простых» великороссов, уважающих малейшие этнографические различия в собственной среде, стремящихся жить в согласии с другими народами союза, сообща с другими решать вопросы выживания всех народов, населяющих союз: **перенос общесоюзной столицы из Москвы**. Для таджиков, армян, грузин, литовцев, имеющих собственную богатую национально-государственную историю, просто оскорбительно иметь столицей федерации город, олицетворяющий апофеоз русского имперского начала. Не сомневаемся, что такой акт даст импульс диаспоризации русской культурной жизни, поможет разрядить острые проблемы московского мегаполиса. Вот только где быть новой столице?

Ясно, что этот город не должен находиться на территории, традиционно населяемой русскими. Подходящей может оказаться местность со смешанным населением. На мой взгляд, главная идея новой столицы — единство народов страны, ее главных этнокультурных массивов — славянского и тюркского. Этой идее как нельзя лучше соответствует местность, уже некогда объединявшая эти народы, — Поволжье.

Город, выстроенный в «чистом поле», при всем своем космополитизме, не должен быть лишен русских мотивов, просто оттого, что русскому человеку, как никому другому, важно ощущать идею исторической преемственности. Без этого

новая столица и символизируемые ею идеи так и останутся чуждыми русскому сознанию (пример Петербурга). Сами же эти идеи несколько не противоречат фундаментальным основам русского характера.

являясь альтернативами господствующей тенденции, из рода в род, из века в век подводящей русских к глобальной пропасти.

Россия перед выборами

Максим МЕЙЕР (Москва)

Российское знамя и Российский комсомол. Российский парламент и русское возрожденческое движение — темы такого рода давно перестали быть редкостью в газетах и журналах; обсуждать их престижно и даже модно. Тема России, так долго бывшая табу для многих поколений ученых и журналистов, вновь вышла на сцену. Причины резко возросшего интереса к российской тематике различны. Это и проникшее во все слои общества понимание того факта, что без изменений в РСФСР реальная перестройка Союза невозможна, и рост общественного самосознания в России, заложивший основы формирования российских демократических организаций и сделавший невозможным дальнейшую монополию правых групп на владение российской тематикой. И наконец, это новые геополитические реалии СССР, вынуждающие пересмотреть роль и значение России в процессе трансформации Союза. Существовавшие до сих пор концепции реформы СССР имели один существенный недостаток — основным субъектом децентрализации считались союзные республики. Вопрос об автономных республиках и национальных областях почти не ставился.

1989 год принес большие изменения. Централизованная федерация, вовлеченная в национально-гражданские конфликты на Кавказе и в Средней Азии и казавшаяся ликующим сепаратистам безнадежно тонущей, вдруг ощутила под ногами твердую почву. Этой новой опорой явилась новая заинтересованность автоном-

ных республик, областей, округов в сохранении и целостности государства. Национальное возрождение в союзных республиках ударило по нацменьшинствам с большой силой. Тревожные вести из Абхазии и Каракалпакии, Юго-Осетинской АО и Нагорного Карабаха, Тувы и Бурятии уже сменились, или готовы смениться военными сводками. Даже в тех местах, где нацменьшинства не подвергались прессингу со стороны вовлеченного в процесс культурного возрождения «коренного населения», они почувствовали себя ущемленными. Именно поэтому начинающийся процесс демократического развития России оказался поддержан малыми народами и меньшинствами в союзных республиках, видящими в сильной РСФСР гаранта своей безопасности.

Многочисленные обращения представителей народных фронтов автономных республик и областей к российским неформалам и общественности с просьбами о помощи — весомое тому доказательство. На политической карте вырисовывается баланс между охваченными национально-сепаратистским движением (демократические цели которого все чаще вызывают сомнения) республиками и меньшинствами, апеллирующими к России и русским как к защитникам. С величайшей остротой встает вопрос о будущем России. Если она достанется реакции, а русское национальное движение станет оплотом черносотенства, то баланс может непоправимо качнуться в сторону консервации, подстегнув центробежные процессы. Если же

удастся добиться демократического преобразования России, то это явится новым и решающим фактором в мирном переходе от мятежной империи к стабильной конфедерации равноправных народов. Ближайшая возможность осуществить процесс демократического преобразования России — это весенние выборы 1990 года.

Первым основным пунктом предвыборной платформы демократических сил на выборах в России (действительно и для всего Союза) должно стать уничтожение иерархической системы строения РСФСР и Союза, ликвидация сложных уровней подчинения АССР, АО, автономных краев и переход всех национально-территориальных единиц в равное подчинение Совету (Парламенту) Республики. Создание Национальной палаты Совета РСФСР и национальных палат советов всех национально-территориальных формирований, местных национальных советов и других органов, которые могли бы координировать национально-культурное развитие подчиненных им территорий.

Вторым основным пунктом, относящимся непосредственно к русскому населению РСФСР, является **программа регионализации республики**. Программа заключается в придании регионам и областям, с соответствующей корректировкой их границ на основании решения населения, значительно большей автономии как хозяйственной, так и культурной. Не следует забывать о том, что сила тоталитарного давления в России едва ли была меньше (зачастую и больше), чем в других республиках. Русский народ дорого заплатил за нелепое право быть «старшим братом» другим народам. Местная культура, составляющая основное богатство России, — традиции, верования, наречия, стиль жизни и мысли — оказалась уничтоженной во имя монолитности «советского народа». Однако Россия прежде никогда не была монолитом, но наоборот соцветием разнообразных культур, сосуществовавших на огромной территории страны. Парадоксально, но мы сейчас имеем большее представление о культуре Узбекистана, чем о различиях культуры Рязани и Архангельска! А ведь эти различия не менее значительны для русских.

Россия сжалась в столицы, разделилась

на Москву и периферию, но Россия это не только Москва и Ленинград. Это еще и Курск, Киров, Волгоград и Хабаровск. Не говоря уже о национальных республиках, занимающих значительную часть РСФСР. Подводить всех под единый знак жизни, выдумывать для всей этой массы людей единые правила по-человечески глупо, а политически преступно. Необходимо построить программу избирательной кампании на поддержке любых концепций и движений, выступающих за возрождение «регионального сознания» в РСФСР, поддержать малые местные культуры путем обеспечения реальной хозяйственной и культурной самостоятельности регионов.

Сибирь не может и не должна жить по законам Черноземья, а Волга по плану Севера. Принцип существования единого государственного механизма лежит не в однообразии, а максимальном сочетании различного. Необходимо, чтобы отрасли или регионы сами решали, какие отрасли производства им развивать, что выгодно или невыгодно сеять и продавать — в этом основа существования всякого государства, тем более такого, как Россия. Можно поддержать и идею создания парламентов регионов, имеющих право накладывать вето на решения центральной администрации, если они противоречат желаниям населения. Нужно поддержать идею создания экономических комиссий регионов и областей и формирование Совета республики из представителей автономных регионов и Совета национальностей республики, исходя из равного представительства народов, проживающих в РСФСР. Возможно обдумать идею предоставления для регионов и областей, а также для национально-территориальных единиц на территории РСФСР права свободного выхода из республики и образования независимого государства.

Осуществление такой программы позволит передать решение большинства вопросов из центра на места, что в значительной степени будет способствовать демократизации республики и может стать реальной альтернативой концепциям правых сил, лишив их монопольного права на руководство русским возрожденческим процессом.

БУДУЩЕЕ МИРОУСТРОЙСТВО И РУССКАЯ ИДЕЯ

Григорий ПОМЕРАНЦ

Всякий разговор о будущем требует выяснения, что можно и что нельзя предвидеть. Область предвидимого захватывает не всю ткань истории. Непредвидимо все личное. В начале VII века никто не мог бы предсказать ислам. Без Мохаммеда его не было бы; так же как монгольских завоеваний без Чингисхана, гитлеризма без Гитлера. Можно считать закономерным, что около Р. Х. ($\pm$ несколько сот лет) возникли мировые религии, но какие именно? В какой форме? Вполне мыслимо, что мировой религией Запада стал бы неоплатонизм, что ни христианства, ни ислама не было бы вовсе. Для этого достаточно было бы смерти Иисуса, сына Марии, от какой-то детской болезни.

Перечислим сперва закономерное. В течение тысяч лет происходят накопляющиеся процессы: рационализация отношений с природой, дифференциация культуры, социальная дифференциация, рост производительных (и разрушительных) сил, рост населения. Эти процессы расшатывают единство общества и тождество человека с самим собой. Выходом из кризисов развития оказывается переоценка ценностей, возрождение чувства целого, создание новых систем символов, воссоединяющих человека с собственной глубиной и людей — друг с другом. Рационально разрешимые задачи отодвигаются на второй план, — по крайней мере, в теории и в судьбе людей, живущих согласно теории.

Меняются мифы. Прометей и Одиссей уступают место святым; Данте отправляет Одиссея в ад. Затем происходит смертная реабилитация. Гомера снова изучают в школах; философия, основанная на греческом плюрализме, оттесняет схоластику; демифологизация сознания, начатая софистами, бурно продолжается, наука творит чудеса... И после нескольких веков прогресса начинается новый кризис. Снова встает вопрос — как из него выйти? Как решить задачу, которую в свое время и на своем месте решили буддизм и христианство?

ВИДЕНИЕ УГРОЗ

Острое сознание этой задачи и образ ее решения оставил Даниил Андреев (1906—1959), поэт и мыслитель, которого иногда называют «русским Сведенборгом» и «русским Данте». Заканчивая трактат «Роза мира», он вынужден был прятать последние страницы рукописи так же, как прятал начальные.

«По-прежнему нет у меня уверенности, — писал Андреев, — что книга не будет уничтожена, что духовный опыт, которым она насыщена, окажется переданным хоть кому-нибудь...»

Я принадлежу к тем, кто смертельно ранен двумя великими бедствиями: мировыми войнами и единоличной тиранией. Такие люди не верят в то, что корни войны и

тирании уже изжиты в человечестве или изживутся в короткий срок. Может быть отстранена опасность данной тирании, данной войны, но некоторое время спустя возникает угроза следующих. Оба эти бедствия были для нас своего рода апокалипсисами — откровениями о могуществе Мирового Зла и о его вековечной борьбе с силами Света...

Я тяжело болел, годы жизни моей сочтены (действительно, после десяти лет тюрьмы Андреев прожил на воле только два года, с 1957 по 1959.— Г. П.). Если рукопись будет уничтожена или утрачена, я восстановлю ее не успею. Но если она дойдет когда-нибудь хотя бы до нескольких человек..., идеи, заложенные в ней, не смогут не стать семенами, рожающими ростки в чужих сердцах.

И произойдет ли это еще до III мировой войны или после нее, или III война не будет развязана в ближайшие годы вовсе — книга не умрет все равно..., потому что вопросы, на которые она пытается дать ответ, будут волновать людей еще и в далеком будущем.

Эти вопросы не исчерпываются проблематикой войны и государственного устройства. Но ничто не поколеблет меня в убеждении, что самые устрашающие опасности, которые грозят человечеству и сейчас и будут еще грозить не одно столетие, это — великая самоубийственная война и абсолютная всемирная тирания... Может случиться..., что через 100 или 200 лет возникнут новые опасности для народов, не менее глобальные, чем тирания и великая война, но иные. Возможно. Вероятно. Но никакие усилия разума, никакое воображение или интуиция не способны нарисовать опасности грядущего, которые не были бы связаны, так или иначе, с одной из двух основных: с опасностью физического уничтожения человечества вследствие войны — и опасности его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании».

За тридцать лет, минувших после смерти Андреева, появилось несколько новых жгучих проблем, а несколько решений, казавшихся выходом из тупика, были опровергнуты. Мало кто ожидал, например, что стремительный выход Ирана из экономической слабости вызовет невыносимую психологическую напряженность к власти придет Хомейни. В проши-

лом такие взрывы изменяли только поверхность истории, и при взгляде с птичьего полета от них можно было отвлечься. Народные вожди, объединявшие людей общей ненавистью и жаждою возмездия, приходили и уходили, а накопление производительных сил продолжалось, и продолжалось маятниковое движение от веры в разум к вере в откровение духа и обратно — к новому возрождению аналитического ума (античность — средние века — новое время). Неудачливые цивилизации гибли, но это не меняло картины. Устойчивые культурные коалиции, вооруженные философией и мировой религией, переживали по две-три «линьки», но история в них не прерывалась. Однако сегодня она может окончиться. Экологическая или другая напряженность толкнет народы в объятия безумцев, безумцы развяжут войну — и наступит атомная ночь.

То там, то здесь возникает опасность своего рода социального спада — потери иммунитета к лжепророкам. Исторический процесс выбивает народ из привычных условий жизни, создает чувство беспомощности, затерянности, страха... В обстановке нарастающей истерии возникает настроение панургова стада (готовность броситься в пропасть вслед за обезумевшим бараном). Только в очень ограниченном числе стран идеи критически оцениваются, лидеров критически выслушивают и утопия остается интеллектуальной игрой. Иммунитет (как показывает история Запада) накапливается медленно, а сдвиги происходят быстро, и слой, воспитанный в духе западной научной мысли, легко смывается социальным взрывом.

Второе условие катастрофы — харизматический лидер. Он знает, как надо, и убежден, что ему все позволено. Лидер впитывает в себя агрессивные чувства миллионов и находит им выход: уничтожить врага.

Третье условие — великая цель. Цель, во имя которой необходима война (национальная или гражданская), цель, на пути которой стоит Враг. Эта цель достаточно часто остается в области идей и практически не достигается, но какая-то идея, способная овладеть массами, необходима. Группа риска идей принципиально открыта. Опыт Ирана включил в нее мусульманский фундаментализм. Возможно движение (и тоталитарная система) с лозунгами

экологического равновесия, спасения народа от наркомании, от войны и т. п. Цель вовсе не должна быть людоедской. Людодействие осуществляется на пути к цели.

Мой очерк проблемы несколько сложнее, чем ее рисует Даниил Андреев. Свободный выбор между всемирной тиранией и коллективным самоубийством кажется мне маловероятным. Тирания, возникнув (на какой-то части Земли), резко увеличивает опасность войны и вплотную подводит к взрыву. Вся наша надежда в том, что крупнейшие страны, склонные к социальной истерии, кажется, уже переболели ею и постепенно выздоравливают. Если же великие державы будут солидарны, то взрывы в слабразвитой Азии и Африке не прервут мирового процесса интеграции. Каким образом она может произойти? Какая модель победит?

ИНТЕГРАЦИЯ В РАЗНОРОДНОМ МИРЕ

В прошлом интеграция не шла дальше региональных коалиций (христианский мир, мир ислама, индуистско-буддийский мир южной Азии, конфуцианско-буддийский мир дальнего Востока). В каждом «мире» сложилась особая структура отношений с этносами, попавшими в ее сферу.

Китайский способ устроения Поднебесной оставляет этнические различия медленно распадаться в социальных низах империи, связывая грамотных единой иероглифической культурой, независимой от живого языка. Расовым различиям культурный китаец не придает значения. Он мыслил веками и знал, что культура переμεлет любые племена.

Индийский способ истолковывает этнические различия как субэтнические, как еще одну касту в единой религиозно-кастовой системе, ничего не отвергающей, но все подчиняющей своей запутанной иерархии. Сильная группа покупала себе родословные и входила в варну кшатриев. Слабая — попадала в неприкасаемые.

Средневековый ислам первоначально предполагал не только единую религиозно-правовую и политическую перестройку, но и арабизацию. Однако иранцы сумели захватить приоритет в культуре, тюрки — в бою, и на развалинах

халифата возникли враждующие империи, каждая из которых претендовала на ортодоксию и универсальность. Средневековый Запад ограничивался единством церкви и церковной латыни, предоставляя всем остальным историческим силам свободу, из которой выросла культура городов и замков, а потом — национальные культуры.

(Корни этой новой, национальной формы общения уходят глубже средних веков, в греко-римскую античность. Первые цивилизации были уверены в своей уникальности и не хотели ни учить, ни учиться. Индийская и, в особенности, китайская цивилизации сознают свою учительскую миссию, но идея контакта на равных родилась только в греко-римской древности, «новой древности», сравнительно с тысячелетними культурами древнейшего Ближнего Востока.)

В Индии и Китае ядром «мира» были цивилизации, не встречавшие могущественных духовных соперников и постепенно, шаг за шагом, распространявшиеся на огромное пространство. Этническое и глобальное здесь до конца не отделились друг от друга. Господствующий этнос совпадает с ядром субэкумены. Дочерние культуры, сохранившие самостоятельность, располагаются на островах и полуостровах, географически оторванных друг от друга, и не складываются в особый самостоятельный мир. Единое гигантское ядро господствует над периферией.

Только в Средиземноморье дочерние культуры сложились в самостоятельную коалицию, свободную от архаической замкнутости. Все цивилизации, вошедшие в новый древний мир, были ученические. И между греками и римлянами постепенно установились отношения равноправного диалога. «Сравнительные жизнеописания» Плутарха — книга, одинаково охотно читавшаяся и теми, и другими. Ничего подобного нельзя себе вообразить в Китае до XX века и в Индии, по крайней мере, до Акбара (XVI век).

Великие цивилизации Азии примерно до XVII века превосходили Европу по очень многим показателям. Но структурно, как тип развития, северное Средиземноморье вышло на новый уровень еще за 2000 лет до этого. И несмотря на тысячелетнюю полосу варваризации, плюралистическая

структура в конце концов выявила свои динамические возможности.

Однако динамизм Запада может быть описан и негативно, как отсутствие стабильности, расколотости духовного центра. Крушение Западной Римской империи не случайно. Индия и Китай не знали таких катастроф. И современный мир стоит на краю глобальной катастрофы благодаря разрушительным силам, развязанным Западом, а не Востоком. Вестернизация распространила кризис Запада на весь мир. Колониализм заставил усвоить «цивилизацию» (в терминах Шпенглера), но победы культуры, духовной победы не получилось. Даже в Африке ислам теснит христианскую культуру. А в Индии, в Китае миссионеры мало чего добились.

XIX век тешил себя иллюзией, что западный вариант развития полностью решает загадку истории и странам Азии и Африки остается только войти в сложившийся западный мир так, как это сделала Япония. Однако пример Японии стал образцом только для окраин той же, дальневосточной зоны (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур). Сказалась, по-видимому, относительная рациональность дальневосточного мышления, которая просматривается и в средние века (скажем, точные даты в истории Индии мы находим только в записках китайских буддистов-паломников). Странам-ученикам и зарубежным выселкам Китая оказалось сравнительно легко перейти от традиционного для них плюрализма к плюрализму западного стиля.

Вестернизация мира ислама, Индии и материкового Китая была гораздо менее успешной. Да и там, где наблюдались успехи, возникали контрпроцессы, сводившие все насмарку. В Индии, например, кастовая система обнаружила удивительную живучесть. Более того, на самом Западе духовный кризис вызвал потребность в импорте веданты, кришнаизма, дзэн, суфизма, восточного и африканского искусства. Нивелировка незападных культур по западному образцу никому сейчас не кажется идеалом. Однако проблема глобальной интеграции этим не снимается. Напротив, именно в XX веке она стала неотложной. Я полагаю, что она может быть решена в духе концерта культурных миров, то есть переноса на их отношения той плюралистической структуры, которая

сложилась в Европе в отношениях между нациями.

Европейский структурный принцип означает, однако, равноправность партнеров и требует отказа Европы от самосознания культурной нормы. Теоретически такой переход достаточно подготовлен. В высококолых изданиях европейские мыслители как один из путей религиозно-философского развития наряду с другими. Однако система народного образования никак не приближает европейца к пониманию современного мира, где под зонтиком единой научно-технической цивилизации жмутся четыре великие культурные коалиции, каждая из которых принципиально способна охватить весь мир.

Когда Кант предлагал свои принципы всеобщего мира, он исходил из духовного единства Запада, которое само собою размелось. Все европейские культуры были сонаследниками европейской Библии, греческой философии и римского права, соединившихся в христианской цивилизации. Но когда сегодня те же принципы предлагаются в качестве глобальных ценностей, то надо подумать, в какой мере эти ценности подходят для мусульманина или китайца. Само понятие ценности отнюдь не универсально. Это довольно новая рубрика, за которой можно поставить без разбора религиозные святыни, философские идеи, политические принципы. Такой подход естественно сложился в развитии Запада, но он не безупречен и скорее маскирует развитие духовного кризиса, чем указывает на выход из него. В распылчатом, лишенном внутренней иерархии понятии ценности скрадывается разрушение святынь, то есть красугольных камней культуры. Этот подход не удовлетворил бы Достоевского и сегодня не удовлетворит многих мыслителей Азии. Не удовлетворит в принципе — попыткой поставить постулаты секуляризованного разума на место Божьей воли, дхармы и т. п.

Практически-политически принципы Канта предполагают сообщество наций. Но это состояние еще должно быть достигнуто и не может быть достигнуто быстро. Китай — не нация, а империя. Европейской аналогией была бы уцелевшая Западная Римская империя или Византия. Даже в России (наследнице Византии) им-

перское сознание еще очень крепко и постоянно мешает развитию национального сознания в строгом смысле этого слова. Например, в 1968 году большинство поддержало действия бржевневской администрации в Праге — не по идеологическим соображениям, а по имперским: мы за это кровь проливали, мы это Западу не отдадим. Идея империи (халифата) жива и в исламе и переводится на современный политический язык в понятиях «арабская нация» или «нация ислама». Повсюду, где имперское сознание слилось с религиозным сознанием (исламом, православием, индуизмом, конфуцианством) семена Канта упадут на невспаханную почву и не взойдут.

В любой конфликтной зоне сталкиваются два права, две правды, и никакие принципы, выгодные одной стороне, не будут приняты другой. Мы живем не в однородном мире, принципы которого могут быть рационально осознаны и последовательно проведены в жизнь, а в мире разнородном, логически абсурдном. Даже в такой европеизированной стране, как Россия, права человека совершенно не волнуют писателей, связанных с деревней и выражающих чувства нескольких десятков миллионов людей. Их волнует другое: слухи о тайном заговоре масонов, о вредоносном «малом народе» и т. п. Их обуревают обида и ненависть. Их цель, если пробиться сквозь уровень слов, — не мир, а поиски виновников мирового зла, которых следует истребить. Прежде чем говорить о принципах организации мира, нужна духовная основа мира — конец ненависти, свобода от темных мифов, основанных на травмированном подсознании.

Пока мы знаем чужое только как чужое, оно останется чужим. От чужой беды трудно отвернуться; чужое, если оно кажется вредным, хочется уничтожить. Только расширенное чувство своего способно стать основой глобального мира. И здесь религии, объединившие когда-то множество племен и народов в христианский мир и мир ислама, становятся препятствиями на пути к единству. Их уверенность в собственном превосходстве возрождает племенную обособленность и в некоторых регионах подкармливает племенной дух кровной мести. Их невозможно устранить (это опорные столпы культуры). Но пока они остаются полузакрыты-

ми или вовсе закрытыми к диалогу, единая глобальная суперкультура немислима; и приходится искать решения в мире «ценностей», убедительных для разума и бессильных на уровне подсознания.

РОЗА МИРА

Сегодня невозможно сказать, каким будет общий знаменатель мирового концерта культур. Здесь, по-видимому, скажется чей-то неповторимый и непредвосхитимый духовный гений. Но какой-то прообраз будущего набросан рукой поэта-мыслителя в Розе Мира Даниила Андреева — унии всех светлых религий Запада и Востока. Догматические различия не казались Андрееву препятствием. Обладая личным опытом многих глубинных состояний, Андреев считал, что догматика религий семитического и индийского корня — просто записи различных форм духовидения, каждое из которых истинно, но не опровергает истинности другого. Поэтому различные догматы могут быть поняты как различные иконы одной великой тайны, разные лепестки единой мистической розы (отсюда название трактата). В Розе Мира сохраняется различие текстов, обрядов, молитв, но исчезает гордыня вероисповедания и становится невозможным оправдать свою ненависть к чужому защитой святости. Создается та чистая соль любви, которая (по Евангелию) должна просолить землю.

На сегодняшний день (спустя тридцать лет после смерти поэта) это так же далеко от реальности, как в 1959 году. И гуманистический разум ведет почти безнадежную борьбу против этноконфессиональных страстей, разрывающих мир на части.

Я вспоминаю опыт безрелигиозной интеграции нашей страны после 1922 года — и не думаю, что принципы либерализма, без сплава с религиозными традициями, добьются большего, чем пролетарский интернационализм. Ближайшие десятилетия (и, может быть, века) — время паллиативных решений. Глобальная солидарность, сравнимая по своей интенсивности с национальной, — дело далекого будущего. Но время не ждет, время торопит. И нужна хоть какая-то солидарность — против социальных и национальных истерик, против взрывов насилия. По крайней мере,

солидарность духовных меньшинств, пересекающая этноконфессиональные перегородки.

Сегодня нельзя извлечь из колбы единое духовное пространство, в котором азербайджанец и армянин, израильтянин и араб, почвенник и космополит найдут общий язык. Но какие-то зачатки процесса, ведущего к вселенской духовной общности, можно отметить. Это, в частности, новая стадия христианского экуменизма и «мировые» (то есть вестернизированные) формы восточных религиозных движений.

Новое в экуменизме (хотя и не совсем новое, если считать на годы) — участие католической церкви. До известного момента католичество считало себя само по себе достаточно вселенским. Сейчас Ватикан не только участвует в показательных экуменических мероприятиях (это не очень многого стоит), но поддерживает экуменические общины, практически живущие экуменическим духом. Пусть эти общины еще малы и слабы, но за ними стоит церковь, лучше других выдержавшая испытание тоталитарной тирании.

Другая форма экуменизма — диалог с нехристианскими религиями. И здесь опять-таки дело не сводится к официальным встречам. Меняется самый дух веры, слабеет скованность буквой, догматом. Некоторые католические богословы признали великих суфиев святыми, находившимися вне зримой церкви. Опираясь на них, Генрих Дюмулен, профессор университета св. Софии в Токио, поставил вопрос о признании святым бодисатвы Догэна (1200—1253), основоположника японской ветви сотодзэн. Хотя Догэн не только не знал Христа, но и слова Бог нет в его сочинениях. Высшая мистическая реальность выражается там негативно. Под влиянием шока, вызванного геноцидом, изменилось и отношение к иудаизму. Оно потеряло полемический характер; подчеркивается единство иудео-христианской традиции, духовные богатства хасидизма и т. п. Всюду, где экуменический христианин встречает дух любви, он признает в нем Христа.

Навстречу экуменическому Западу идет экуменический Восток. Начиная с выступления Вивекананды на всемирном религиозном конгрессе, возникают все новые восточно-западные течения. Они идут навстречу Западу, как апостол Павел — нав-

стречу эллинам и римлянам. «Павлианские» течения, отбрасывающие некоторые локальные черты, как Павел — обрезанье, возможно, совершенно оторвутся от Востока. Но возможно и другое: ведантизм, буддизм, суфизм, приобретая западное обличье, расшатывают стену стереотипов, отделяющую христианский мир от других великих духовных миров. Второе кажется более вероятным, чем первое: оно совпало бы с общим процессом интеграции культур.

К сожалению, этот процесс почти не затронул православие. Самое значительное исключение — вл. Антоний Блюм. Эмигрант, участник французского Сопротивления, он был захвачен общим европейским духом и цитирует в своих произведениях то хасидских рабби, то индийских мистиков. Для собственно русского православия это экзотика. После семидесяти лет безудержной ломки господствует желание все восстановить, все как было. Когда речь идет о храмах, превращенных в склады, ничего другого нельзя предложить. Но в духовной области нет простого возвращения и ни одна реставрация не реставрировала того, что существовало до революции: возникло что-то новое.

Русская культура неотделима от православия, но не укладывается в него. Не уложился Лев Толстой, не уложились скептики и либералы, не уложились Андрей Белый и Максимилиан Волошин, искавшие современного христианского языка и христианского подхода к современным проблемам в антропософии. Вряд ли хоть один крупный русский мыслитель, стоявший за православие, был строго православным (православие и философию очень трудно соединить). Все «новое религиозное сознание», с церковной точки зрения, — клубок ересей.

Когда началась революция, «новое религиозное сознание» (русский предшественник «аджорнаменто» папы Иоанна XXIII) само себя обуздало. На переправе не меняют лошадей. Только Даниил Андреев в одиночестве продолжал свою духовную работу, и образ, который он создал, — образ розы мира — остался как завещание поэта своей родине и всему человечеству. По мысли Андреева, Россия одной из первых должна вступить на сверкнувший перед ним путь. В этом смысле он заново толкует традиционный символ

Третьего Рима, разрывая византийское догматическое вселенское вероучение с вселенской империей и — как мечтали старцы в «Братьях Карамазовых», — растворяя государство в церкви.

Трудно сказать, в какой мере эти идеи захватят современную русскую интеллигенцию. Это помогло бы освобождению от имперской спеси, сохраняя вселенский размах, без которого русскую культуру трудно себе представить. Обновленный русский дух мог бы, вместе с Западом, вместе с живыми силами всех великих культурных миров, плодотворно участвовать в поисках выхода из современного глобального кризиса.

Одним из вкладов России могло бы

быть византийское догматическое богословие, освобожденное от догматизма и понятое как мистическая философия целого и его членения. Не только целостности Троицы, но всякой целостности и всякой личности. Если Бог и человек, столь противоположные друг другу, столь несовместимые, могли быть соединены единственно, равночестно, неслиянно и нераздельно, то тем более — разные вероисповедания, разные пути к Богу. В рамках неслиянного и нераздельного единства Розы Мира каждая религия сохраняет свои догмы, свои иконы — и открывается другим в духе любви. То, что недоступно «евклидовскому разуму» Ивана Карамазова, доступно разуму высшему.

КАК Я РАЗГОНЯЛА УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Мемуар о рассказе Елены Петровны СЕЛЮГИНОЙ

Михаил СЕРОВ,
математик, г. Петрозаводск.

Рассказ этот я услышал при таких обстоятельствах. Я задержался на кафедре, проверяя контрольные работы. Все преподаватели ушли, Елена Петровна досиживала свой рабочий день. Был 1956 год. Задумавшись, я приложил к губам колпачок от авторучки и нечаянно дунул. Получился неожиданно громкий свист. Елена Петровна вскинула голову и воскликнула: «Покажите, как вы это сделали!». Я показал. Она взяла у меня колпачок, повертела в пальцах, свистнула в него сама и рассмеялась. Возвращая мне колпачок, она, все еще смеясь, сказала: «Вот так я разгоняла Учредительное собрание. Гусев нам раздал вот такие, только металлические, штучки от патронов, а другим еще деревянные трещотки, их крутить надо, вот мы и свистели».

Я, совершенно ошарашенный, спросил, как это ей довелось разгонять Учредительное собрание, и в ответ услышал обстоятельный рассказ о начале карьеры Лены Селюгиной, окончившей гимназию в городе Порхове весной 1917 года и приехавшей летом в поисках работы в революционный Петроград. Впрочем, должен сразу же оговориться — мне так запомнилось. Я не ручаюсь, что это был Порхов, а не другой город недалеко от Петрограда с похожим названием; я не знаю, окончила ли к тому времени Елена Петровна полный гимназический курс или только один из старших классов... Итак, летом семнадцатого года она, прочтя на улице написанное от руки объявление о том, что тре-

буется машинистка, через несколько часов уже сидела за машинкой напротив Урицкого в его кабинете. Я не знаю, какую должность занимал тогда Урицкий. Кабинет был на первом этаже. Как они сидели — это со слов Елены Петровны: «Вот тут я, а там, где вы, — Урицкий, только стол подальше». Урицкий сидел левой стороной к окну; когда в него первый раз стрелял кто-то через окно и прострелил мочку уха, Урицкий, чертыхаясь, зажал рану платком, прижимая левой рукой. Елена Петровна, рассказывая об этом, показала, как он это сделал. Как я понял тогда из рассказа, этот эпизод относился ко времени до Октябрьской революции. Ни до этого рассказа, ни после я ни от кого не слышал и нигде не читал, что почти за год до смертельного выстрела Канегиссера в Урицкого кто-то стрелял.

Далее я передаю содержание рассказа Елены Петровны так, как я его запомнил. Свое изложение я чередую с ее прямой речью, не пытаясь воспроизвести ее дословно, но стараясь передать отношение рассказчицы к событиям и некоторые приметы речи. Конечно, больше всего я беспокоюсь о том, чтобы не исказить содержание.

Все сведения о ходе выборов в Учредительное собрание попадали сначала к Урицкому. Ленин часто, иногда не один раз в день, заходил к нему в кабинет узнать содержание последних телеграмм и писем с мест о выборах. Новости, которые он узнавал, были неприятными. Большевистский список собирал мало голосов.

Ленин нервничал, огорчался, спрашивал Урицкого, что, по его мнению, нужно делать. Говорил, что выступать в таком собрании будет трудно. Урицкий сначала успокаивал, но Ленин волновался с каждым днем все больше. Уже начали съезжаться делегаты. Они собирались на далекой окраине Петрограда. (Елена Петровна называла район, но я, не зная ленинградских районов и улиц, не запомнил; мне кажется, что она называла район Лесной, но боюсь, что память меня подводит). Оттуда в Смольный приходили гонцы-делегаты от разных партий с требованиями письменных гарантий безопасности для приехавших. Ленина эти гонцы раздражали, он говорил Урицкому: «Да дайте вы им все, что они просят!», а сам все больше нервничал и советовался с ним, как вести себя большевикам в Учредительном собрании. Вот тут Урицкий и предложил ему план разгона Учредительного собрания. План этот придумали Гусев и Урицкий. Они его вдвоем («при мне» — говорит Елена Петровна) до этого несколько дней обсуждали. Гусев сразу начал все готовить, а Урицкий взялся уговорить Ленина.

«А Урицкий уме-ел уговаривать! Когда он впервые рассказал Ленину, что они придумали, Ленин пришел в ярость. Я никогда больше его таким не видела. Он кричал, что это хулиганство, что это позор для партии. Но Урицкий опять и опять уговаривал, каждый день. Тут еще и делегаты все присылали и присылали курьеров с новыми требованиями гарантий, просили отложить открытие. Урицкий Ленину представлял делегатов трусливыми, недостойными внимания, что ли, людьми. Ленин стал уступать и, наконец, махнул рукой — делайте, мол, что хотите. Вот что было дальше. Гусев собрал такую, как я, молодежь, секретарей, машинисток, курьеров, уборщиц, раздал нам эти свистульки и трещотки, усадил нас в дипломатическую ложу в Таврическом дворце, а сам сел за занавеской. Это все до начала заседаний. Когда делегаты начали приезжать, их сразу у входа встречали матросы, все с оружием, обмотанные лентами от пулеметов. Они стояли всюду и внутри дворца вместо швейцаров распахивали двери перед делегатами. Те — к гардеробу, а в гардеробе — тоже матросы вместо гардеробщиков. Ну, делегаты так и не раздева-

лись, в зал пошли в пальто, в шубах, уже перепуганные. Сидели и все время озирались по сторонам. Потом начались речи. Пока говорят наши, большевики, мы сидели тихо, а когда другие, мы по сигналу Гусева свистим, трещим и кричим, что он нам подкажет: «Сколько тебе Антанта заплатила?» или «Долой войну!» или еще что. А то просто свистим и трещим. На следующий день в газетах друг другу показываем. Председатель: «Граждане в дипломатической ложе! (А это — мы!) Если вы не прекратите шуметь, я прикажу вас вывести из зала!» — А кому он прикажет? Матросам? Толе Железнякову? В перерывах нам Гусев давал каждому особое задание — нужно было помешать делегатам собраться на фракционные собрания. И вот я со своим бантиком на голове выплываю перед каким-то высоким грузином и пристаю: «Что вы думаете о мире без аннексий и контрибуций?», «А вы не против восьмичасового рабочего дня?» А он отводит меня рукой в сторону и повторяет: «Девочка, тебе пора спать, иди домой». А я опять прыгаю перед ним. Я уже потом подумала, может, он не на фракционное собрание хотел, а просто в уборную, а тут я со своим бантиком и вопросами. И так мы на всех заседаниях... А когда Толя Железников поднялся на сцену и положил председателю руку на плечо, то тут такое началось! Никто не слышал, что Толя ему сказал. Они решили, что председатель арестован, а их всех сейчас схватят. Все вскочили и бросились вон из зала. И бежали не к дверям, а прыгали в окна, думали, что за дверями их уже ждут. Одни набросили на себя пальто, другие сунули только одну руку в рукав, а многие оставили шубы и шляпы на кроватках. Все бежали по саду не к своим автомобилям и пролеткам, а в глубину сада и через решетку. За ними никто не гнался. Матросы смотрели в окна, свистели им вдогонку и смеялись. Потом мы все — и матросы, и «граждане из дипломатической ложи» — прошли через парадную лестницу к главному входу, расселись по автомобилям и пролеткам, которые привезли делегатов, и велели шоферам и кучерам катать нас всю ночь по городу — как же, мы только что разогнали Учредительное собрание!

Рассказ на этом не остановился, но он уже не касался Учредительного собрания,

Петрограда, Урицкого, Гусева и матросов. Елена Петровна вместе с Советским правительством переехала в Москву. Такого активного участия, как в разгоне Учредительного собрания, в последующих свершениях большевиков она не принимала, но память ее хранила множество неор-

динарных примет времени и людей, с именами которых принято связывать это самое время.

Настоящий мемуар я написал по просьбе моего старого друга Юлия Анатольевича Шрейдера в феврале 1989 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К этому свидетельству стоит добавить отрывок из письма Михаила Ильича Серова ко мне, характеризующий собственное отношение рассказчицы к описываемым событиям:

«В сценах уговора Ленина Урицким она была целиком на стороне последнего, делегатов Учредительного собрания открыто презирала. Делегатами она их не назвала ни разу — только «они». Но и Учредительное собрание ни разу не назвала «учредилкой». Лихое матросское окружение наложило свою печать на восприятие всего происходящего. Москва же, встретившая фундаментальными неподвижными швейцарами в «Национале» (отказавшимися, по рассказу Елены Петровны, нести вещи приехавших из Петрограда членов правительства — Ю. Ш.), пасхальными благовестами и зарождающейся чиновной суетой, все изменила».

Мы оба были сослуживицами Елены Петровны на кафедре высшей математики Московского института стали, где она служила лаборанткой. Выглядела она тогда (я пришел на кафедру в 1951 году), старушкой, ходила сгорбившись и одевалась по-старушечьи. При этом многие кафедральные дела решала именно она. Ее незаметная манера поведения, совершенно не отвечающая уровню интеллекта и воли, была тончайшей мимикрией — она старилась себя, чтобы не быть узнанной. Ей удалось вовремя уйти из аппарата совнаркома в ВСНХ, потом в Горную академию, а оттуда на скромнейший пост в институт стали. Этим она сумела спрятаться от репрессий, настигших большинство из тех, с кем она начинала служебную карьеру. Сам я знаю о ее биографии лишь в рассказе М. И. Серова, ибо в феврале 1956 года ушел из института стали.

ЮЛИЙ ШРЕЙДЕР,
г. МОСКВА.

НЕ РУГАЙТЕ ЛЕНИНА

Дмитрий ГУБИН,
г. Ленинград

Среди правил, определяющих наше отношение к умершим, наиболее обоснованным, на мой взгляд, является то, которое предписывает обсуждать деяния государей после их смерти. Этот обычай приносит большую пользу народам, которые его соблюдают.

Мишель МОНТЕНЬ. «Опыты».

Ленина будут ругать.
Если вместо этого утверждения составить нейтральное: «Вопрос о Ленине снова

поднимается в нашем обществе», — то с ним согласится и Институт марксизма-ленинизма.

Само состояние общества подводит к критике В. И. Ленина. Эти вопросы и для диссертации, и для разговора в очереди. Литературная ситуация клонит к тому же: опубликовано «Все течет» Гроссмана, где о Ленине сказано — «душитель русской свободы»; журналы печатают антилениниста Солженицына. Из интервью Солженицына «Тайм» от 24 июля: «Никакой пощады, ничего человеческого в его подходе к людям, к массам, к кому-либо, кто в точности не следует за ним. Если кто-нибудь отклонялся хоть на йоту, как меньшевики, например, он набрасывался на него, всячески оскорблял. Он ненавидел этих людей. Даже если не иметь в виду широкий, метафизический смысл слова «зло», Ленина можно назвать злым в обыденном смысле».

Как объяснить, что трое из пяти русских литературных нобелевских лауреатов напрямую ставили Ленина в ряд тиранов, а четвертый (Пастернак) отвергал ленинизм на ином — не политическом, а духовном — уровне?

Склон указан, и общественная мысль заскользит по нему. Тенденции, которые она выявит, могут оказаться поучительными.

Вряд ли в государственной печати критика примет эмоциональный характер: должная осторожность редакторов вкупе с привитой осторожностью пишущих придадут перу фактологический нажим. Но на уровне самиздата и улицы эта критика уже приобретает оценочно-нравственную окраску: Ленину предъявляют счета за безнравственность выбранных им средств борьбы.

В таком подходе больше дидактической эйфории, чем строгого рассуждения, но эйфория разоблачений неизбежна. Поэтому открытие некоторых неафишируемых фактов биографии Ленина (вроде одобрения концлагерей и расстрелов заложников), его политических принципов («Ленин вколачивал в головы сознание необходимости исключительно суровых мер для спасения революции» — Троцкий), да и просто перепечатка некоторых фрагментов из, скажем, 35 тома, вроде размышления, как поступить с буржуазной «слякотью» и «господами интеллигентами»: посадить в тюрьму, снабдить желтыми билетами, поставить чистить сортиры или «расстрелять на месте одного из

десяти», — вызовет общественный шок. Я помню крик из зала: «Провокация! Ленин не мог!..» — когда я зачитывал цитату из статьи «Как организовать соревнование».

Увы, объяснение, будто неверные методы сгубили великую цель, будет самым расхожим. Лишь по форме похожее на истину, оно опасно, на мой взгляд, своей поверхностностью, тенденцией вновь лечить проявление, а не болезнь.

Энгельс писал, что марксизм — всего лишь обоснование перехода от капитализма к коммунизму. Точно так и ленинизм есть лишь проект скачка России в коммунизм путем насилия особой партией; «очистка земли российской от всяких вредных насекомых, от блох — жуликов, от клопов — богатых и прочее и прочее». Что здесь цель и что — средства? Террор был средством национализации земли, предприятий, банков, уничтожения «эксплуататорских классов» и старой госмашин, но национализация и уничтожение были, в свою очередь, методом построения социализма, который сам — средство построения коммунизма...

Если что и должно вызывать шок по большому счету, — так это то, что на все полсотни ленинских томов нет ни одного определения коммунизма! Куда ж, спрашивается, нам плыть? В тумане человек берет курс на ближайший ориентир, и тогда средство становится целью.

Наше общество столь озлоблено блужданием в тумане, что будет еще долго клясть своего большевистского Данко, ведшего напролом, но так и не выведшего к свету. Не является ли неизбежная подмена стратегии тактикой — сутью ленинизма? Ведь и коммунизм, как вид общественной организации, — лишь средство для достижения счастья. Но счастье как категория жизни не рассматривается в коммунистических утопиях. Все коммунистические философы терялись, едва доходило до вопроса: да будет ли работать эта штурковина без принуждения, насилия и вдохновенного обмана, которые явно потребуются для ее постройки? И все коммунистические философы в качестве условия работы ставили воспитание нового человека, с высоким чувством общности и ответственности.

Так вот, после всего сказанного — можно ли ругать Ленина за железные методы, которыми он вел страну в туман? От-

ветить положительно — значит не просто судить Ленина по нынешним законам, которые, как и вся история, обратного хода не имеют, — это значит еще и не понять ленинизма. Ленин как политик — это апологет террора во имя грядущего либерального рая: вне диктатуры ленинизм сводим к профсоюзному либерализму Запада. Да и с какой стати мы решили, что нравственный императив христианской этики определяет и ход государственного развития?

Боюсь, что «левый» лагерь не поймет меня. Отечественные демократы все еще задаются вопросом «кому выгодно?», вместо того, чтобы спросить — «что истинно?» Опыяние первыми внешними свободами, отсутствие опыта неконформизма — как, впрочем, и отсутствие твердых знаний — мешает демократам понять то, что давно усвоили консерваторы и центристы: история — не учебник нравственности, она оперирует результатами, а не методами. В противном случае придется признать, что и Бог поступил безнравственно, создав плотоядных животных или изгнав из рая людей.

История козыряет результатом. Петр I или Екатерина II — мудрые в историческом понимании руководители державы: при Петре развились промышленность, армия, флот; при Екатерине — наука, просвещение, искусство. Список жертв каждого из правителей — строка не из обвинительного заключения, а из государственного реестра: столько-то кораблей, дорог, мостов — построено; столько-то солдат, строителей, крестьян — загублено.

При некоторой вольности можно признать, что «мягкие» и «жесткие» методы находятся у истории в том же соотношении, что и деспотия с демократией. Историк Василий Ключевский говорил: «Конечно, абсолютная монархия есть самая совершенная форма правления... если бы не случайности рождения». Лучший путь развития страны — всегда один, в противном случае он не был бы лучшим, и демократия, с неизбежным учетом разноречивых мнений, часто не дает пойти по нему. В этом смысле у нее нет преимуществ абсолютизма. Исторический смысл перехода к ней в том, что она страшат от выбора худшего пути... Кнут и сила позволяют иной раз добиться результата быстрее, чем мед и пряник. Но применение

руководителем нации мягких методов — страховка на случай, если поставленная цель ложна или невыполнима. В этом смысле личной нравственной нормы.

Был бы Ленин «хорошим», снизойди он до мягких методов, то есть действующим как Сталин, а как Брежнев?.. Этот вопрос, может быть, один из важнейших сегодня. Ведь идея коммунизма, по сути, является побочной веткой, своего рода аппендиксом социал-демократического движения, объективная цель которого — развитие производства и рост благосостояния. Утверждение, что именно коммунистический путь толкнет Россию к этому росту, было в 1917 году рискованной гипотезой.

Действительно ли тогда страна нуждалась в замене не только управления, но и хозяйственного механизма? Сложилось на данные бельгийского исследователя Мишеля Драшусова: в 1913 году Россия занимала 4-е место в мире по производству механических конструкций, 6-е — по добыче угля, 5-е — по производству стали и цемента. С 1900 по 1913 год производство в тяжелой промышленности возросло на 74,1 процента, протяженность железных дорог с 1890 по 1915 год возросла с 28.000 до 68.000 километров. Русское зерно в урожайные годы составляло 40 процентов, а в неурожайные — 11 процентов мирового экспорта. Россия начала XX века прогрессировала в американском темпе, и кривые ее экономического роста повторяли американские с разницей в 20 лет.

Мандельштам в 1918 году писал:

*Прославим роковое время,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное время,
Его невыносимый гнет.**

Поэт знал, что власть любого вождя в любом обществе чревата кровью, коль скоро царь, диктатор или премьер командуют армией и полицией. Этой неизбежной кровью и тяжела шапка Мономаха, а вопрос о количестве крови, по крайней мере в рамках христианской этики, бессмыслен. В понимании поэта, вождь должен плакать, сознавая свою невольную вину. О соотношении цели и методов

* Стихотворение «Прославим, братья, сумерки свободы...»

Мандельштам заметил без укоризны: «Десяти небес нам стоила земля».

Однако глаза Ленина были сухи. По глухо и невнятно доносящимся до нас свидетельствам, только в последние месяцы жизни он мучительно осознал и пережил уже непоправимое.

Очень может быть, что именно эти глухие голоса и говорят правду...

Ленин понял, что проиграл: он подготовил бригаду хирургов, дал ей в руки инструмент,— и велел взрезать больному живот, рассчитывая прооперировать буржуазную язву желудка.

Сразу, конечно, это не было очевидно. «Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые во-

нучие язвы! Простой, без обиняков, приговор вековой несправедливости, привыкшей, чтобы ей кланялись, расшаркивались перед ней и приседали»,— восхищается в октябре 1917 года Юрий Живаго. Однако именно ненужной операцией язвы желудка был убит бравый Фрунзе.

Но диагноз оказался неверен.

Коммунистическое строительство Ленина так и не дало России выигрыша в мировом соревновании, но оставило ее на операционном столе под ножами людей, сразу начавших бешеную борьбу за звание главврача. А любое сообщество, не способное выполнить навязанные ему задачи, выполняет те, что в силах.

ПОЧТА

Стоящим над Лениным

В дни октябрьских торжеств 1989 года мы отказались от еще одной нашей рабской привычки — демонстрировать руководителям страны их же собственные портреты. Но избавившись от этого иконостаса, мы не отрешились от другой верно-подданической традиции — устраивать детские цветоподношения тем, чьи лица еще вчера изображались на иконах.

Не пора ли и нашим политическим лидерам сделать свой очередной шаг на пути к подлинному народовластию — перестать использовать усыпальницу основателя нашего государства как почетную трибуну, высший пьедестал славы и почета, постамент для собственного возве-

личивания, для всенародного поклонения.

Пусть 1 мая 1990 года перед ленинским Мавзолеем и перед могилами похороненных у кремлевской стены пройдут все, включая и тех, кто привык стоять над Лениным и над всем народом. Пусть наши самые высокопоставленные особы последуют примеру партийных секретарей Ленинграда, которые во время демонстрации 7 ноября 1989 года сошли с трибунных высот и встречали праздник Октября вместе со всеми — в праздничных колоннах.

Виктор ХОХЛАЧЕВ,
журналист,
г. Киев.

Арвид Крон «Дайте же ему шанс!», № 8/89

Альтернативы все еще нет

Сейчас в демократическом движении сложилась такая ситуация, когда все словно боятся показаться недостаточно радикальными, а потому многие явления воспринимаются как априорно правильные.

Хочу поделиться своими размышлениями в связи с политической забастовкой в Воркуте. Сравнительно недавно я узнал о том, что в Соединенных Штатах политические забастовки запрещены, так же как запрещены и забастовки государственных служащих. У нас структура экономики, ее управления, конечно, другая: государство по сути дела является монопольным собственником на почти все средства производства, поэтому политическая забастовка, бессмысленная в условиях частного предпринимательства (допустим, бастующие выдвигают какое-либо требование к правительству, но почему от этого должен страдать владелец фирмы?), у нас, казалось бы, представляется естественной.

И тем не менее я не уверен в том, что сложнейшие вопросы из области технологии политической власти, корректно решать с помощью такого рода мер. И я сейчас имею в виду не банальный смысл фразы: «Требования поддерживаем, но не приемлем средства...» Речь идет несколько о другом аспекте. В условиях отсутствия демократических институтов, всей политической инфраструктуры, короче — в условиях отсутствия цивилизованной представительной демократии — очень часто верх берет то, что именуется «прямой демократией». А забастовка как способ решения политических проблем не что иное, как метод «прямой демократии». Рабочие собрались, покурили и порешили: отменить шестую статью Конституции...

Я не говорю уже о том, что пять

политических требований, обращенных к правительству и политическому руководству страны, сформулированы некорректно с точки зрения Закона и нормального конституционного процесса. Вопросы о сохранении стачечных комитетов — не в компетенции правительства. Точно так же, как не в компетенции правительства решать вопрос об отмене шестой статьи Конституции, разделения постов главы партии и главы государства и т. д. Все эти требования следует адресовать Съезду народных депутатов как высшему законодательному органу власти.

В заключение — о моем личном отношении к политическим требованиям, выдвинутым шахтерами. Я согласен со всеми, кроме одного — о разделении постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Верховного Совета. Мы находимся сейчас в переходном, очень сложном состоянии, я бы даже сказал вакуумном, когда старые формы изжили себя, а нового еще не возникло. В такой специфически переходный период меры, имеющие стратегическую демократическую направленность (например, усиление авторитарной власти лидера-реформатора), с абстрактно-демократической точки зрения, могут восприниматься как непопулярные и даже как «антидемократические».

Недавно в журнале «Век XX и мир» я прочитал замечательную мысль Арвина Крона: у нас нет устойчивых ответственных внепартийных организаций в поддержку перестройки, которые могли бы разделить бремя власти. Пока их нет, нужно ждать: **нельзя демократизировать пустоту.**

Я часто спрашиваю своих оппонентов, которые предлагают разделение

постов на высшем уровне (подчеркиваю — на высшем): ну ладно, ушел Горбачев с поста президента, кто может составить альтернативу? И ведь **нет альтернативы!** Речь идет, таким образом, об ответственности тех, кто сейчас усиленно критикует Горбачева и предлагает в принципе прогрессивные вещи, но совершенно не задумывается о том, как это может выглядеть в реальности. Я думаю, мало кто из наших радикал-демократов вообще когда-либо серьезно думал о **конкретной кон-**

цепции переходности. О том, как, а не о том, что. Ибо политика есть искусство не провозглашения, может быть, очень прогрессивных идей, а способов воплощения их. Иначе — «мы свое слово сказали — а после нас хоть потоп!»

Да, нельзя демократизировать пустоту! Необходимо создание конструктивной, ответственной оппозиции. А пока ее нет — нет и альтернативы.

**Андрей НОВИКОВ,
г. Рыбинск.**

Из Парижа, конечно, виднее...

Не без интереса прочел статью Арвида Крона «Дайте же ему шанс!» в № 8/89 «Века». Сразу захотелось возразить. Начать стоит, наверное, с того, что, как водится, сытый голодного не разумеет. Из «мирного, спокойного, многокрасочного Парижа» очень трудно оценить состояние нищего человека в нищей стране, который (самое главное!) теряет или уже совсем потерял надежду на улучшение жизни.

Мне кажется, что наше население уже не может почти оценивать прошлое или настоящее с точки зрения будущего, даже недалекого. Винить ли его в этом? Не хуже же жить в 1989-м, чем в каком-нибудь 1937-м. Откуда же настроения безысходности? Раньше советскому человеку помогали сохранять душевное равновесие и стойко переносить все тяготы социального эксперимента Большая Ложь и Вера в Светлое Будущее. Большая Ложь почти растаяла за годы гласности; веру в завтрашний день не укрепляет то, что сегодня мы живем хуже, чем в прошлом году. И как не опасаться за год следующий, как поверить в завтра, если нас постоянно обманывали, обманывали, обманывали? И нет признаков и гарантий действительного улучшения. Социальное нетерпение вызывает со-

циальную нестабильность. Может ли быть иначе при мучительно трудном, «прусском» пути реформ, который выбрало руководство страны?

Я вполне понимаю опасения руководителей, несущих бремя огромной ответственности и вынужденных продвигаться наощупь, методом проб и ошибок. И здесь уместно сделать одно замечание по поводу демократии, которой нам так не хватает. По-моему, демократия, помимо остальных своих достоинств, дает обществу возможность самопознания. Референдум — это прекрасный пример социологического исследования (сотни социологических центров, которых у нас, кстати, нет, не дадут такого результата), избирательный бюллетень на демократических выборах — лучшая анкета.

Мы дошли сейчас до ручки, потому что многие десятилетия двигались в темноте, по наитию «вдохновителей и организаторов», не спрашивая людей, как они видят настоящее и дорогу к будущему. Каким бы ни было современное руководство, но без демократической рефлексии всего общества оно вынуждено предпочитать плохое худшему, мелкие шажки, не дающие решительного оздоровления, — развалу и анархии.

Серьезное беспокойство вызывает

национальный вопрос. Кое-кто не прочь сейчас связать разгул национальных страстей с процессом демократизации. Действительно, многие прежние болячки сейчас вышли наружу и разрослись. Возможно, для того, чтобы остановить распространение гангрены националистического безумия, со стороны властей потребуются жесткие меры. Но демократизации в стране не должно мешать то, что два соседних народа ненавидят и враждуют друг с другом, так же как события в Белфасте не отменяют старой английской демократии.

Далее А. Крон пишет о необходимости в будущем класса администраторов. Вероятно, современное общество не может обойтись без элиты. Но пусть это будет **другая** элита, новый «политический класс» и новые управляющие — действительно способные, умные, приносящие наибольшую пользу обществу. То, что «природные предприниматели» все сейчас наверху — тезис более чем сомнительный. Множество умных, предприимчивых, честных людей в нашей системе спивается, бесславно

кончает свою жизнь, уходит в диковинные хобби, бежит за границу... Советское государство превратилось в настоящее кладбище талантов и самых лучших устремлений. Партийные же и прочие бюрократы проникли на свои высокие посты в силу противоестественного отбора, часто начав делать свою карьеру с так называемой общественной работы, то есть с отхода от **дела**, с демагогии и не вполне чистой совести. Вряд ли **эти** выведут страну из кризиса, ведь они не способны ни к чему, кроме администрирования, переброски бумаг, получения спецпайков и удушения живого дела. (Речь, конечно, не об отдельных личностях, а о **слое**).

Настоящее обновление — это смена верхних этажей и раскрепощение народа, самоуправление в трудовых коллективах и на местах. Последнее и будет гарантией стабильности общества, но стабильности не «сверху», а «снизу», в условиях динамичного развития, а не застоя.

Виктор КОВАЛЕВ,
г. Сыктывкар.

Здравый смысл — это наша свобода

Прочитав статью «Дайте же ему шанс!» Арвида Крона (8/89), хочу сказать несколько слов по этому поводу.

Я рад поддержке Горбачева в нашем журнале — того Горбачева, каков он есть, со всеми его недостатками, возможными ошибками, на которые, думается, он вынужден порой идти и сознательно. Я часто, почти всегда согласен с Сахаровым и его единомышленниками. Но согласен более в принципе, чем в политических предложениях. Зачастую «сахаровцы» не считаются с реальностью и, желая «всего и сразу», могут потерять и то, что приобрели сами, и все наше общее политическое будущее.

Я не считаю М. С. Горбачева «идеалом», и не все мне нравится из того, что он говорил или говорит (о 2—3 сменных графиках, о статусе печати, частной собственности), но я признаю за ним, как за Лениным, своего рода здравый смысл.

Главный политический принцип — это **свободный человек**, причем и свобода должна быть такой, какой ее понимает для себя сам этот человек. И идти к этому надо не «любой ценой», не за счет ныне живущих во имя будущих, а опять же — опираясь на здравый смысл.

Александр КОЖЕВНИКОВ,
г. Волгоград.

О ПЕРЕСТРОЙКЕ СЕГОДНЯ И В ОБОЗРИМОМ БУДУЩЕМ

ЗАЯВЛЕНИЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР— ЧЛЕНОВ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Мы, нижеподписавшиеся, народные депутаты СССР, входящие в межрегиональную группу, считаем необходимым перед лицом избирателей страны и накануне второго Съезда народных депутатов СССР сжато оценить нынешнее положение в широкой исторической перспективе, и предложить платформу, которая могла бы послужить на обозримое будущее основой для практических согласованных действий всех последовательно демократических сил, при сохранении различий между ними.

В результате отказа высшего руководства КПСС от проведения неталитарного курса, благодаря переходу к политике небывалых после Октября 1917 года реформ, возникла принципиально новая общественная ситуация. Она богата надеждами и возможностями избавления от привычных для нас личного бесправия, нищеты, попрация национальных интересов и традиций. Перестройка — выдающаяся историческая заслуга М. С. Горбачева и его ближайших сторонников. По ходу событий инициатор перестройки неоднократно проявил динамическую способность перестраивать также и собственную политическую линию, не задерживаясь на ранее выдвинутых формулах и лозунгах, когда обстоятельства обнаруживали их неэффективность, недостаточность.

Вместе с тем политический поворот был глубочайшим образом объективен и неизбежен, подготовлен мучительной советской историей, гниением режима партократии, должен был совершиться рано или поздно. Ни одно из программных требований российской социал-

демократии, ни одно из обещаний большевиков, ни один из декретов, с которыми большевики взяли власть, не были осуществлены. Революция не была случайностью, ее поддержали миллионы русских и угнетенные национальные меньшинства, самодержавная Россия была беременна революцией в ее самых крайних, жестоких и фантастических формах. Но и то, что Октябрь вскоре развился в сталинский режим, хотя это и не было фатально predetermined, тоже невозможно считать случайностью. Как бы идеологически теперь ни относиться к тогдашним замыслам так называемой «пролетарской диктатуры» или «построения социализма под руководством партии нового типа», факт остается фактом: мировая история жестоко опровергла эти замыслы, привившиеся в технологически и социально отсталых странах, опровергла их повсюду, не только в СССР, и притом решительно во всех сферах жизни, от производительности труда до состояния нравственности или искусства.

Мы — современники быстрого и тотального краха подобных режимов, которые останутся в XX веке. Они будут списаны в мрачные издержки свойственной этому веку бурной модернизации человечества. Распад государственно-коллективистских режимов в конечном счете обусловлен несовместимостью архаических внеэкономических форм управления общественным производством и постиндустриальной постоянной революционности этого производства, выросшего из индивидуальной свободы и требующего такой

свободы как своего технологического условия.

Таков наиболее общий мыслительный масштаб, который необходим для понимания причин и целей перестройки. Ей подлежат поэтому не только крыша или внутренние перегородки, но и стены, и сам фундамент нынешнего общественного здания, кем бы и какие бы слова не были начертаны на нем или искренне затвержены по этому поводу. Идеология не может оставаться основой экономики или освящать жажду власти и привилегий. Прежнее строение придется снести. Это «перестройка», собственно, только в том смысле, что весь процесс возвращения на стрезень истории должен быть во что бы то ни стало ненасильственным, эволюционным: правда, лишь по механизму своему, но не по срокам.

В этом вопросе — именно о сроках, а следовательно, о способах и тактике — теоретическая оценка с высоты всемирности должна спуститься и совместиться в логическом фокусе с оценкой самой что ни на есть социально-конкретной, жгуче сегодняшней, политической.

Первый этап перестройки (с апреля 1985 г. и до выступления М. С. Горбачева в январе 1987 г. на Пленуме ЦК КПСС) был лишь новой оттепелью; второй этап, 1987 год, стал началом гласности и отката от прежней имперской внешней политики; третий этап, 1988 год, закончившийся в политическом отношении в марте-июне 1989, был ознаменован прежде всего возникновением самостоятельных внеофициальных общественных движений; тем самым зародились элементы гражданского общества; это обеспечило взлет национально-освободительных движений, особенно в передовой Прибалтике; начался неудержимый распад централизованного бюрократического государства. В целом требующий, разумеется, от демократов положительной оценки, этот процесс отмечен, однако, в Закавказье и в Средней Азии необыкновенной болезненностью, сопровождающейся во многих случаях взрывами межнационального раздора, дикого насилия и геноцида, на которые правительство и общество не находят последовательного и эффективного ответа.

Несмотря на лишь частичную демократизацию избирательной и государственной системы, результаты Марта и последовавших затем гласных дебатов на Первом Съезде народных депутатов и в Верховном Совете явились высшей точкой перестройки, обозначили ее необратимость, по крайней мере, в социально-психологическом отношении. К гражданской жизни проснулись десятки миллионов людей, их уже невозможно загнать назад, в прежнее состояние. Важнейшим ближайшим результатом Марта стало забастовочное движение шахтеров страны, с его поразительно высоким уровнем организованности. Профессиональные и экономические требования в наших условиях по необходимости и с классической отчетливостью дополняются и перекрываются сознанием, что прежде всего должна быть коренным образом изменена политическая система всевластного аппарата КПСС и гигантских ведомств. Это только начало активизации всей толщи трудящихся. Никакой верхушечный правый переворот и никакое насилие, даже если на него кто-то и решился бы, уже не в состоянии остановить меняющуюся страну. Хотя бы потому, что у реакции нет и не может быть программы оздоровления экономики, спасения ее от нарастающего с каждым месяцем развала.

Оба главных кризиса — национально-государственный и экономический — определенно нарастают в геометрической прогрессии, отчасти накладываясь и подхлестывая друг друга.

Любые политические оценки и планы, чтобы быть верными, должны считаться, в первую очередь, с этим реальным социальным фоном, с чрезвычайностью нынешнего исторического положения. Соответственно только глубоко радикальная, опережающая и предельно быстрая политика может быть тем самым сейчас практичной, рассудительной и осторожной. Население в большинстве своем как раз после Первого Съезда утрачивает или уже утратило доверие к перестройке, считая ее преимущественно словесной и поверхностной. Многие разуварились и в М. С. Горбачеве. Этот потенциально грозный кризис доверия, открытое недовольство и раздражение так-

же нарастают изо дня в день и окрашивают четвертый этап перестройки, начавшийся с весны и лета, и продолжающийся, к сожалению, поныне.

Суть текущего этапа состоит, коротко говоря, в зastoе перестройки, в безусловном исчерпании ее недавних средств и форм, в остановке перед подлинно структурными реформами в отношении собственности и власти. При отсутствии таких реформ оказываются бессмысленными и встречаются страной с равнодушием даже сами по себе полезные и важные законодательные решения Верховного Совета. Все, что происходило до сих пор, было только нужным и захватывающим прологом к переделке общественного фундамента. Однако, если не приступить к этой переделке, тянуть, вязнуть в половинчатости, догмах и риторике, — а именно так ведет себя сейчас руководство КПСС, — ход событий уже в 1990 году может оказаться стихийным и неуправляемым. Официальная политика, несоразмерная глубине и, главное, скорости всеобщего кризиса СССР, стала поэтому наиболее опасным источником дестабилизации. Процесс перестройки подошел к самому принципиальному рубежу, возросло яростное сопротивление реакционных заправил аппарата, и нерешительность горбачевского руководства понятна. Но — ошибочна. Замечательные события в Восточной Европе — пример и достаточно внятное предупреждение для тех, кто (независимо от мотивов, которыми при этом руководствуются, пусть даже искренне и убежденно видя в этом, якобы, объективную необходимость и государственную мудрость) рассчитывает сохранить на неопределенные сроки принудительную «авангардную» и руководящую роль КПСС», экономические министерства, директивное планирование, монополию совхозно-колхозной системы. Нужно когда-то начать демонтаж всего этого.

Когда же? Социальная наблюдательность, данные опросов, холодное благоразумие должны подсказать: немедленно.

Это прежде всего касается состояния и роли КПСС. Нельзя признать, что перестройка в партии отстала от перестройки в обществе (и, по правде, перестройка в

партии еще всерьез не начиналась), и одновременно провозглашать сохранение какой-то ее «авангардной роли». Миллионы рядовых членов партии не оказывают никакого влияния на политику райкомов, обкомов, ЦК: в иерархическом устройстве, аппаратных порядках, практике внутрипартийной жизни издавна прочно заложены бесправие, апатия, послушание и молчание массы партийцев. В качестве деятельной массовой политической организации КПСС вообще не существует. Все знают, что это пропагандистская фикция. По-прежнему реален только самовоспроизводящийся аппарат; в нем встречаются добросовестные, работающие и разумные люди, но они не составляют большинства, а главное — аппарат как система власти надо всякой иной, в том числе государственной, властью есть тоталитарная по происхождению и функциям структура, несовместимая с подлинной перестройкой.

Довод относительно того, что тем не менее, это единственная реальная и действенная интегрирующая власть в стране — де, убери ее, и все распадется — этот довод не считается с некоторыми фактами. Во-первых, именно система монополии аппарата на власть и есть виновница всеобщего кризиса, и есть причина распада. Во-вторых, высокие партийные комитеты, включая и ЦК КПСС (выступления на его пленумах в апреле и сентябре поражают агрессивной реакционностью), не пользуются какой-либо симпатией огромного большинства народа или его поддержкой. Уже поэтому, когда народ приходит в действительное движение в непривычных для нее открытых ситуациях и кризисах, партийная власть характеризуется сочетанием тотальности и бессилия. Примеров сколько угодно — от шахтерских бассейнов до Армении. В-третьих, даже самые неопытные, но впрямь избранные народом Советы или национальные фронты, или стачечные комитеты доказали необыкновенную способность сплачивать людей и обеспечивать цивилизованный порядок.

Устранение из Конституции позорной статьи шестой, отказ арьергардного авангарда КПСС от притязания на то, чтобы быть вечным официальным наставником и опекуном общества ничуть

не означает требование устранить компартию из политической жизни страны. Разве КПСС не в состоянии участвовать в этой жизни, быть влиятельной политической силой иначе, как на нынешних искусственных и бесповоротно скомпрометированных привилегированных условиях? А не на условиях парламентской демократии? КПСС может влиять и, если добьется победы своих списков на свободных выборах, в равной конкурентной борьбе с другими партиями и движениями, сможет также и руководить через большинство в Советах и лишь до новых выборов. Но всякое прямое вмешательство и непосредственные распоряжения и постановления аппаратных органов КПСС, включая Политбюро, в отношении страны, разумеется, незаконны и несовместимы с Советской властью.

Мы призываем М. С. Горбачева согласиться с этими истинами. Мы призываем Второй Съезд народных депутатов поименным голосованием отменить статью шестую Конституции СССР. Ее следует заменить статьей о регистрационном порядке возникновения в СССР политических партий и других общественно-политических организаций, если их цели и действия не насильственны и не ведут к разжиганию ненависти между народами и людьми.

В СССР уже возникает реальная многопартийность. 1990 год, скорее всего, явится в этом отношении решающим. Было бы разумно заблаговременно демократически легализовать этот неизбежный процесс. Пойдут ли на это те, кто до сих пор препятствует даже регистрации «Мемориала»?

Что касается КПСС, то ее нынешние структуры, порядки, состав и само название не продержатся долго. На деле КПСС уже расколота, в нее сугубо формально входят люди, принадлежащие к самым крайним оттенкам политического спектра, к резко враждебным общественным движениям. Мы считаем неизбежным в конце концов явный раскол и появление на месте условной «КПСС», может быть, двух или трех реальных массовых партий России, не говоря уже об отделении нескольких республиканских партий. «Страшное» слово «раскол» в данном случае обозначит естественное и здоро-

вое явление, ободряющее после десятилетий загнанной внутрь смертельной болезни. Это единственный шанс для честных реформистов в рядах КПСС иметь свою настоящую партийную опору.

Что касается радикально-демократических сил, не зависимых от КПСС, то будущее перестройки в громадной степени зависит от того, сумеют ли эти силы, особенно в России, сгруппироваться в избирательный блок нескольких действительно крупных, политически определенных движений или партий, сопоставимых в отношении своей хотя бы совокупной массовости и влиятельности, скажем, с «Саюдисом» в Литве. В Москве, Ленинграде, на Поволжье и Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке — всюду много демократических фронтов, движений, клубов избирателей, союзов трудящихся. Однако в масштабе всей России они не объединены, маломощны, нет зрелой организованной демократической левой, хотя в основном уже наличествуют необходимые для нее элементы.

Как только перестройка сверху дополнилась перестройкой снизу, а к этому и призывал М. С. Горбачев, — в политический процесс включились миллионы людей, выдвинувших собственные представления о перестройке и собственных ее лидеров. Это тем самым не последователи М. С. Горбачева, а столь необходимые для успеха курса на перестройку его оппоненты и возможные союзники слева. Но пока это политическое пространство — слева от горбачевского центра — во всесоюзном масштабе плохо освоено из-за политико-организационного отставания россиян. Такая слабость всесоюзной оппозиции, известная пустота, неопределенность, разброд слева — пожалуй, самый тревожный элемент современной ситуации.

Без оппозиции не может быть нормального политического существования. В отвлеченном виде это общепринято. Однако многие совсем не робкие, деятельные люди боятся все же прислиться к оппозиции, «фракции» и т. п. На это обычно бывает два довода: как бы не дать повода для консолидации и перехода в наступление правых и как бы не оттолкнуть центристских депутатов или не задеть самого Горбачева. Пока мы

колебались и спорили, выступить ли в качестве парламентской и внепарламентской левой оппозиции, жизнь ответила на оба довода. Правые уже организовались, создавая широкий фронт, — от партийных и профсоюзных правых аппаратчиков, через инспирированный или поощряемый ими правопопулистический «Объединенный фронт трудящихся» и до национал-патриотов и антисемитов из общества «Память». Правая оппозиция недавними решениями ленинградского и волгоградского обкомов или пленума правления Союза писателей РСФСР открыто выступила в поход, не дожидаясь, пока мы в Межрегиональной группе продолжим свою очень интересную дискуссию о том, возможна ли вообще «оппозиция». Перестройка застопорилась, чему ярчайшее подтверждение — повестка Второго Съезда, предложенная Верховным Советом под воздействием его руководства и обходящая коренные вопросы. А внутриполитические позиции и высказывания М. С. Горбачева стали отклоняться вправо, идет ли речь об отсрочке структурных экономических реформ, об отношении к шестой статье Конституции, к средствам массовой информации и т. п. К столь лояльной и смирной Межрегиональной группе было проявлено — и поделом — гневное, жесткое и отнюдь не лояльное отношение: запрещено издание газеты нашей группы, наложен арест на ее банковский счет и т. д.

Мы полагаем, что, с точки зрения логики политического действия, вина за застой перестройки ложится не столько на горбачевское руководство и, конечно, не на реакционеров, сколько на нерешительность и рыхлость демократической левой, в том числе на нас, членов межрегиональной группы. Политика, резюмирующая реальное соотношение сил, естественно, отклоняется туда, где таких сил больше или они сумели заявить о себе наиболее весомо и впечатляюще.

Мы считаем необходимым пребывание М. С. Горбачева на посту Председателя и отвергаем демагогию по этому поводу некоторых участников официального партийного митинга в Ленинграде. Одновременно мы подвергаем самой энергичной критике то, как именно осу-

ществляется сейчас, точнее же, опаснейшим образом тормозится курс на перестройку. Выражая М. С. Горбачеву недоверие и протест миллионов своих избирателей, выступая в качестве независимой оппозиции, мы убеждены, что только такая линия поведения, только четкая организация и объединение левых сил, только их победы на республиканских и местных выборах, а также при необходимости чрезвычайные акции с участием миллионов людей — все это создаст в стране более подвинутую историческую ситуацию, которая перевела бы перестройку на новую, более высокую орбиту.

Две самые насущные заботы — соответственно двум самым тяжелым кризисам — это экономика и национально-государственное устройство.

Отсрочка структурных экономических реформ произведена, поскольку этого требует план Л. И. Абалкина: до 1991 года глубоко не копать, а только штопать дыры и создавать для реформ более благоприятную экономическую конъюнктуру. Этот план маневрирования на прежней административной основе был бы хорош лет пять, а лучше лет десять тому назад. Теперь же он обречен, он не переломит конъюнктуры и вряд ли даже замедлит темпы ее падения. Но мы потеряем еще год бесценного времени. Если кажется невозможным приступить к радикальным переменам с 1990 года, то едва ли не гораздо трудней будет приступить к ним после еще одного года дестабилизации. Л. И. Абалкин повторяет: «Не мешайте!» Помехой оказывается само население страны, его нетерпение, его усталость, его глубочайшее недоверие. Однако ведь все это суть также глубоко экономические факторы. Население не станет ждать до 1993 года, когда по «научным» обещаниям правительства можно будет обратиться и до коренных преобразований. Значит, эти обещания далеко не научны.

Мы считаем, что весенний сев 1990 года должен быть непременно проведен уже в новых условиях землевладения. Речь идет не о насильственном разгоне совхозов и колхозов, хотя резко убыточные хозяйства было бы резонно распустить. Крестьяне повсюду должны иметь право выйти из колхозов и совхозов с

землей, причем необходимо обеспечить, чтобы участки им были нарезаны справедливо, с учетом качества полей и расстояния до них. Владение не только следует сделать пожизненным и наследственным, как это оговорено проектом Закона о земле, но и предусмотреть регулируемые, ограниченные права отчуждения. Но необходимо также на деле уравнивать пока не существующие частные землевладения с мощной монополией землевладения совхозно-колхозного, обеспечить независимого землевладельца инвентарем, семенами, скотом, удобрениями и тому подобное — в соответствующей доле. Нужно дать ему льготные ссуды, освободить на первые два-три года от налогов. Если посредством протекционистской государственной политики удалось бы уже со следующего года начать возрождение крестьянства, угроза голода была бы отведена. Правда, после того как были даны по Закону и спустя год точно также, по Закону, отобраны уровни налогообложения и некоторые права кооператоров, население может опасаться, что и с владением землей вскоре что-то может быть «уточнено» и гайки опять подкручены. Поэтому успех или неуспех земельной реформы во многом будет зависеть опять-таки от отношения к власти, а это — от ее природы, состава, роли КПСС и пр., все упирается во все то же.

На протяжении 1990 года должна быть подготовлена ликвидация экономических министерств и передача предприятий в собственность акционерных обществ, кооперативов, в полноправную аренду или в недробимую собственность коллективов, заключающих контракты с менеджерами. Надо создать и условия для частной торговли и предпринимательства.

Надо подготовить отмену с 1991-1992 г.г. директивного планирования, заменив его планом-прогнозом и системой инвестиционных, кредитных и налоговых решений. Отменить соответственно и пятилетний план как совокупность фондирования, лимитов, административного распределения денег и ресурсов. В эти же сроки провести реформу ценообразования, введя в обращение, наряду с обычным инфляционным рублем и твердую, конвертируемую валюту. Прекратить

военную помощь, любые дотации и безвозмездную помощь другим государствам за исключением обстоятельств гуманитарного характера. Поворот к рыночной экономике на первых порах может привести к отрицательным последствиям для жизненного уровня, особенно малообеспеченных слоев населения. Вот тут-то, на этот тяжкий период структурной перестройки нужно для уравнивания социальных последствий щедро расходовать золотой запас: просить внешние займы под начавшиеся перемены (а иначе все ушло бы в прорыв), изменить структуру импорта, осуществить те чрезвычайные меры, которые предлагают Н. П. Шмелев и другие экономисты, предлагает правительство. Краткосрочные, пожарные меры лишены, однако, смысла, да и не осуществимы, пока основы уродливой экономики остаются прежними. Наша общая идея состоит в непрерывной синхронности и взаимосвязке краткосрочных и долгосрочных мер (с резким ускорением вторых) взамен такой поэтапности, когда сначала предлагают покрасить неработающую машину, а потом уже сдать ее на лом.

Мартовский Пленум ЦК КПСС показал, что аппаратная верхушка противится всяким подлинным переменам в аграрной сфере. Сентябрьский Пленум показал это же самое относительно сферы национально-государственной. Мы считаем очевидным, что принятая на нем платформа остается мертворожденной, поскольку она принимает кое-что из того, что уже произошло и пытается упрямо противостоять тому, что неминуемо произойдет в скором будущем. Наша страна должна перестать и перестанет быть унитарным государством. Игра с понятием права на самоопределение (с усечением слов «вплоть до отделения») делает это понятие бессмысленным и лживым. Об этом, кстати, можно прочитать и у Ленина, но мы можем стать союзом свободных государств, необычной по своей экономической органичности конфедерацией, в которой будет действовать принцип «сильные республики и созданный ими центр», в которой республик будет гораздо больше, чем сейчас, и в которой каждая из республик сама решает, будет ли

она передавать конфедеративному правительству какие-либо дополнительные полномочия и компетенции сверх тех, которые составят обязательный согласованный минимум. Ясно, что необходимо предусмотреть в новом Союзном договоре свободный выход из конфедерации, условия принятия в нее, а также исключения. В этой сфере нас обступают самые тяжелые противоречия и проблемы со всех сторон, решить их будет едва ли не трудней, чем проблемы переустройства экономики. Но именно поэтому мы полагаем, что конституционный процесс обсуждения и выработки новой основы для Союза советских народов должен начаться безотлагательно — с весны 1990 года. В этих обсуждениях должны участвовать полномочные деле-

гации всех национальных, территориальных образований, входящих теперь в СССР, а также представители тех народов, которые изъявляют намерение создать новые образования.

Мы сознаем, что высказанное в настоящем заявлении вряд ли имеет шансы получить поддержку руководства страны и большинства депутатов на Съезде. Но время теперь идет быстро, и то, что сегодня может быть встречено даже с негодованием, завтра заставит задуматься, а послезавтра станет предметом политических переговоров. Лишь бы не опоздать.

(На момент оглашения на II Съезде народных депутатов СССР документ был подписан 94 депутатами)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

БЕК XX И МИР

XX CENTURY AND PEACE

LE XXe SIECLE ET LA PAIX

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

